

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ Россіи.	
На годъ	8 р.
» 9 мѣсяцевъ	6 »
» 6 »	5 »
» 3 »	3 »
за Границею	
На годъ	10 »
Съ приложеніями:	
Въ Россіи на годъ	10 »
» » на полгода	6 »
За границей на годъ	14 »
Отдѣльн. номера по 20 к.	
Объявленія печатаются по 15 к.	
за строку на послѣдней страницѣ	
и по 30 коп. на первой.	
За перемѣну адреса: иногор. на	
ор. 20 к., гор. на иногор. 50 к.	

Статьи и требованія адресуются въ ред.
Сиб. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.
Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3, а
также въ книж. маг., Вол-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Амурскій водный путь.—По вопросу о ссылкѣ. *А. Ц—ва.*—Хроника.—Переселенческое движеніе.—Корреспонденціи: изъ Екате-ринбурга, Ялуторовска, Лепсинска, Кяхты, Нерчинска и Витимска.—На Уралѣ. (Изъ путевого дневника странствующаго корреспондента).—Хроника научныхъ изслѣдованій въ Сибири и на Азиатскомъ Востокѣ.—Гумбумъ, монастырь зонкавистовъ. (Изъ путешествія по Китаю экспедиціи Г. Н. Потанина). *А. В. Потаниной.*—Сказка о томъ, какъ лабаганцы приняли волка за овечку. *Друаю.*—Хроника жизни за недѣлю.—Объявленія.

ПОМОЩЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ!

Принимаются пожертвованія въ пользу переселенче-скаго убѣжища въ Тюмени деньгами и вещами. Пожертвованія просятъ адресовать въ Тюмень на имя Ивана Ивановича Игнатова; въ Петербургѣ пожертвованія принимаются въ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія», а въ Томскѣ въ редакціи «Сибирской Газеты».

Предсѣдатель временнаго Тюменскаго пере-селенческаго Комитета **Ив. Клериковъ.**

АМУРСКИЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ.

Въ то время, когда нѣкоторые экономисты витаютъ въ сферѣ заоблачныхъ иллюзій, составляя великіе проекты о великомъ желѣзномъ пути, когда находятся лица, готовые вторить этимъ иллюзіямъ, сама жизнь въ своихъ реальныхъ требованіяхъ несетъ намъ другія вѣсти, идущія въ полный разрѣзъ съ подобнымъ пустозвонствомъ. Съ одной стороны раздается голосъ за непрерывную желѣзную дорогу вплоть до Тихаго океана, требуя на это сотни миліоновъ, съ другой стороны, съ мѣста несутся сѣтованія жителей на невзгоды природы и на отсутствіе какой либо, хотя самой ничтожной, помощи въ борьбѣ съ этими невзгодами. Болѣе уже мѣсяца телеграфъ извѣщаетъ о томъ, что движеніе по Амуру почти прекратилось; полное мелководіе, застой въ торговлѣ, а въ дополненіе къ этому одинъ пароходъ съѣлъ на мель, другой налетѣлъ на утесъ, нѣкоторые не могли двинуться съ мѣста, даже легкіе почтовые пароходы и тѣ оставались безъ движенія. Печатавъ въ настоящемъ номерѣ нерчинскую корреспонденцію объ этихъ невзгодахъ, мы остановились на ней, и невольно предъ нами предсталъ вопросъ о причинахъ такихъ прискорбныхъ явленій. Но, прежде чѣмъ что либо сказать о нихъ, необходимо опредѣлить, что такое то амурское мелководіе, на которое раздается ропотъ людской. Названіе пути мелководнымъ вызываетъ извѣстное понятіе о такомъ пути, фарватеръ котораго на большей части своего протяженія обладаетъ недостаточной глубиной для судоваго движенія, но подобное опредѣленіе далеко бу-

детъ невѣрно для Амура. Рѣка Шилка, составляя соединенія Онона и Ингоды, несетъ массу воды, и далѣе внизу, соединяясь съ Аргунью, образуетъ Амуръ, одну изъ великихъ и многоводныхъ рѣкъ Азіи. Но, при всемъ своемъ многоводіи, эта рѣка образуетъ то специфическое «амурское» мелководіе, о которомъ мы упомянули выше. Здѣсь мелководіе является не на всемъ протяженіи, а только въ извѣстныхъ пунктахъ, носящихъ названіе «перекатовъ»; при этомъ, когда на этихъ перекатахъ два—три фута воды, рядомъ, немного далѣе, уже 5—6, 9—10 и болѣе. Кромѣ этихъ перекатовъ, преградами служатъ громадные камни и даже цѣлые утесы, которые при полномъ водѣ покрываются и не служатъ препятствіемъ, а при небольшой водѣ являются нерѣдко злосчастнымъ мѣстомъ гибели пароходовъ, находящихся подъ управленіемъ неопытныхъ капитановъ. Не проходитъ ни одного года безъ подобныхъ несчастій. Однако, не смотря на эти естественныя преграды, Амурскій водный путь, всетаки, на столько имѣлъ жизненныхъ основаній, что въ три десятка лѣтъ своего существованія онъ насчитываетъ у себя уже 50 пароходовъ, принадлежащихъ товариществу амурскаго пароходства и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. Можно увѣренно сказать, что всѣ эти пароходы работали съ пользой для своихъ владѣльцовъ, за исключеніемъ, весьма понятно, несчастныхъ случаевъ и особенно неблагоприятныхъ лѣтъ. Но въ послѣдніе годы подобныя прискорбныя происшествія повторяются все чаще и чаще, а въ pendant къ нимъ раздается голосъ старожиловъ объ уменьшеніи воды. Что за причины, — «темна вода во облацѣхъ», и нѣтъ попытокъ къ разъясненію ихъ. Лица, много разъ плававшія по Амуру и вполнѣ компетентныя въ знаніи этой рѣки, указываютъ на полную возможность улучшенія этого пути уничтоженіемъ естественныхъ преградъ, изученіемъ фарватера и т. п., при сравнительно небольшихъ затратахъ. Прискорбно, а надо сознаться, что въ этомъ отношеніи правительствомъ не было предпринято никакихъ мѣръ, не было до сихъ поръ ни одного солиднаго изслѣдованія, даже карта рѣки, нѣкогда составленная, до того устарѣла, что рѣшительно оказывается никуда непригодной. По этому водному пути имѣютъ движеніе полсотни пароходовъ, производятся операціи на миліоны рублей, а между тѣмъ все дѣло основано на русскомъ «авось», на каждомъ шагу царитъ наша халатность и недоуміе. Пароходовладѣльцы до сихъ поръ не подумали оградить себя отъ случайныхъ невзгодъ; только въ послѣднее время, кажется, если не ошибаемся, по распоряженію приамурскаго генераль-губернатора барона Корфа, они дѣлаютъ какой-то ничтож-

ный взносъ на расчистку фарватера рѣки. Но, прежде чѣмъ сдѣлать упрекъ частнымъ лицамъ, мы бросимъ нашъ взглядъ на прошлое амурскаго пароходства и попытаемся намѣтить тѣ причины, которыя создали его прискорбное настоящее положеніе.

Начало пароходства по Амуру принадлежитъ казнѣ, которая, однако, въ 1871 году передала всѣ свои пароходы особому субсидированному товариществу. При казенномъ пароходствѣ не предпринималось никакихъ улучшеній, дѣло велось рутинно и съ громадными убытками для казны. Съ переходомъ казеннаго пароходства въ руки особаго товарищества продолжалось то же отношеніе къ самому пути, хотя движеніе пароходовъ было нѣсколько урегулировано. Товарищество, не смотря на громадную субсидію (245,000 порейсовыхъ и 135,000 грузовыхъ), до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлало, утесы и камни попрежнему остаются на своихъ мѣстахъ, попрежнему перекаты служатъ мѣстомъ преткновенія для судовъ, между тѣмъ какъ товарищество утверждаетъ, что будто бы затрачивало на расчистку ежегодно по 1,000 руб. и привлекало къ этому другихъ пароходовладѣльцевъ, но этимъ увѣреніямъ на Амурѣ знаютъ цѣну.

Съ развитіемъ Амурскаго края росло дѣло пароходства: такъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ было уже пять частныхъ компаній, во главѣ съ энергичнымъ Пахолковымъ, первымъ основателемъ частнаго пароходства по Амуру. Въ средѣ частныхъ лицъ не разъ возникала инициатива къ посильнымъ улучшеніямъ, но, при отсутствіи солидарности и при неравномѣрности силъ для конкуренціи съ субсидированнымъ товариществомъ, эта инициатива оставалась безъ всякихъ послѣдствій. Всѣ взоры обращались къ привилегированному товариществу, какъ получающему почти 400-тысячную субсидію за такое дѣло, которое считалось выгоднымъ и безъ всякихъ субсидій, и полагали, что оно нравственно было обязано употреблять часть этихъ получаемыхъ ни за что, ни про что денегъ на улучшеніе пути, но, какъ мы уже замѣтили, товарищество рѣшительно не оказало никакой услуги въ этомъ отношеніи. Мало того, даже въ общемъ веденіи своего дѣла, оно не представляло изъ себя образца для другихъ, а, напротивъ, всегда отличалось неумѣлостью, неаккуратностью и плохими порядками. Порядки этого товарищества часто могли быть отнесены къ области анекдотичныхъ курьезовъ. И вотъ на это-то товарищество правительство, въ силу какихъ-то непонятныхъ судебъ, потратило въ 15 лѣтъ почти 6 милліоновъ рублей, съ крайне сомнительной пользой для края и создавъ въ этомъ привилегированномъ товариществѣ немалый тормазъ къ свободному развитію частной предпримчивости. Такимъ образомъ, мы видѣли ничѣмъ неоправдываемую щедрую трату милліоновъ и отсутствіе помощи дѣйствительнымъ требованіямъ дѣла улучшенія того пути, которому суждено играть такую грандіозную роль въ жизни нашей далекой окраины. Нѣтъ сомнѣнія, что пришла пора правительству обратить свое особенное вниманіе на это дѣло и прійти къ нему на помощь. Но, прежде чѣмъ опредѣлять размѣръ и качество помощи, необходимо узнать, въ чемъ она должна состоять, необходимо произвести обстоятельныя изслѣдованія рѣкъ, составляющихъ этотъ водный путь, а также причинъ все чаще и чаще повторяющагося маловодія, въ числѣ которыхъ хищническое истребленіе лѣсовъ въ верховьяхъ рѣкъ будетъ навѣрно играть не послѣднюю роль. На это дѣло нужны крохи въ сравненіи съ тѣми сотнями тысячъ, которыя расходовались безъ всякой надобности втеченіе 15 лѣтъ и, къ сожалѣнію, которыя еще долго принуждены расходовать, такъ какъ только съ будущаго года привиллегія начнетъ уменьшаться на 5% каждый годъ.

Мы имѣемъ извѣстіе, что на дѣло улучшенія амурскаго воднаго пути обратилъ особенное вниманіе главный начальникъ Приамурскаго края баронъ А. Н. Корфъ, который и намѣренъ по этому вопросу войти съ особымъ ходатайствомъ къ высшему правительству. Будемъ надѣяться, что это ходатайство получитъ желанный для края исходъ.

ПО ВОПРОСУ О ССЫЛКѢ.

Вопросъ о ссылкѣ въ послѣднее время не сходитъ съ очереди у сибиряковъ; вся честная сибирская печать неустанно и горячо обсуждаетъ ссылку и—осуждаетъ ее. Это ясно доказываетъ, что настоящій вопросъ, какъ говорится, „жгучъ“ и касается тяжко наболѣвшаго мѣста въ средѣ сибирскаго общества. Игнорировать его, поэтому, не слѣдуетъ, а тѣмъ менѣе относиться свысока къ противникамъ ссылки, какъ къ невѣждамъ или эгоистамъ. Мнѣніе, что ссылки де отменить невозможно, что куда нибудь да сослать должно, что съ перемѣною мѣста ссылки существующее зло не искоренится, а только перенесется съ одного мѣста на другое, — мнѣніе это столь же несправедливо, какъ и поверхностно.

Спеціально-сибирскій „ссылный“ вопросъ, къ сожалѣнію, мало разработанъ: надлежащій матеріалъ не собранъ въ достаточной мѣрѣ и не обработанъ систематически и всесторонне. Мы слышимъ только почти каждый день горькія жалобы сибиряковъ на гибельное, въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, влияніе уголовныхъ ссылныхъ; приводятся по временамъ и факты, подтверждающіе справедливость этихъ жалобъ. Но встрѣчаются и такія лица, которыя либо совсѣмъ голословно, либо съ помощью двухъ-трехъ „статистическихъ“ цифръ, заявляютъ, что зло вовсе не такъ велико, или даже стараются „доказать“, что въ такомъ-то городѣ съ возрастаніемъ числа ссылныхъ возрасли ремесла и чуть чуть не нравственность. Въ виду всего этого, является неотложной необходимостью собрать и сгруппировать данныя по этому вопросу. При отсутствіи предварительныхъ работъ, вслѣдствіе бѣдности сибирской статистики, задача эта едва ли по плечу одиночному и частному лицу, а можетъ быть выполнена только правительствомъ или, при его непремѣнномъ содѣйствіи, компетентнымъ ученымъ обществомъ.

Мы не намѣрены касаться деталей вопроса о ссылкѣ въ Сибирь, а ограничимся пока краткимъ обсужденіемъ вопроса о ссылкѣ вообще, причѣмъ позволимъ себѣ въ заключеніе сдѣлать нѣсколько выводовъ и по отношенію ея къ Сибири.

Исторія ссылки восходитъ до древнѣйшихъ временъ. Ссылка практиковалась въ древніе вѣка, преимущественно, противъ государственныхъ преступниковъ. Она составляла наиболѣе тяжкую форму лишенія свободы и имѣла цѣлью обезопасить общество и государство отъ всякаго влияния осужденнаго. Для этого, осужденные ссылались на одинокіе средиземно-морскіе острова, отрѣзанные отъ всякаго почти сношенія съ прочимъ міромъ. Изъ новыхъ европейскихъ странъ, въ которыхъ примѣнялась или примѣняется ссылка, интересны въ особенності Англія, Франція и Россія. Съ 1850 года уголовные законы Франціи знаютъ ссылку, именно на южно-океанійскіе острова. Ссылка тамъ имѣетъ лишь значеніе, съ одной стороны, уголовной кары, а съ другой—„очистки“ общества отъ зловредныхъ субъектовъ. Другое совсѣмъ дѣло въ Англіи. Тутъ ссылка играла громадную роль. Она была, въ большинствѣ случаевъ, связана съ обязательнымъ трудомъ и примѣнялась не только съ цѣлью каранія преступниковъ въ виду общественной безопасности, но и съ цѣлью снабженія заморскихъ колоній рабочими руками: тамъ существовалъ недостатокъ въ рабочихъ силахъ, вслѣдствіе исключительно, въ первое время, вольной иммиграціи. Эта колонизаціонная ссылка началась изъ Англіи въ Америку въ 1614 году, а въ Австралію въ 1788-мъ. Съ теченіемъ времени, однако, главнымъ образомъ, за послѣднія сто лѣтъ, колониально-политическія условія ссылки радикально измѣнились. Дѣло въ томъ, что чѣмъ шире была выполнена колонизаторская задача ссылки, тѣмъ скорѣе государство будетъ принуждено обстоятельствами и чувствомъ справедливости отказаться отъ дальнѣйшаго заселенія данной колоніи преступниками, такъ какъ въ колоніи успѣваетъ установиться общественный порядокъ, культурный бытъ, дѣлающій ее нравственно правоспособною наравнѣ съ самой метрополіей. Поэтому ссылныхъ принимаетъ форму благоустроеннаго общества, образуются

культурные центры и тѣмъ скорѣе, чѣмъ значительнѣе былъ притокъ добровольныхъ поселенцевъ. Недостатка въ рабочихъ рукахъ нѣтъ; новые ссыльные, вслѣдствіе дешевизны ихъ труда, являются опасными конкурентами свободнаго мѣстнаго населенія, которое и само по себѣ удовлетворяетъ существующему запросу на трудъ. Ссыльные составляютъ также опасность для установившейся общественной нравственности, и чѣмъ выше ихъ интеллектуальныя способности, чѣмъ больше ссыльные могутъ выдѣлять изъ своей среды бойкихъ людей, тѣмъ грознѣе опасность для народившейся общественной нравственности и для нарождающагося матеріальнаго благопріуспѣянія колоніи. Наконецъ, развившаяся уже культурная колонія, сознавая свое нравственное достоинство, вполне основательно не желаетъ быть долѣе для метрополіи навозною кучею. Всѣ эти обстоятельства побудили Англію отмѣнить ссылку. Въ 1857 году ссылка, какъ специальная уголовная кара, была отмѣнена. Она продолжала практиковаться съ тѣхъ поръ только въ формѣ административно-исполнительнаго порядка судебныхъ приговоровъ въ отношеніи ограниченнаго числа осужденныхъ, которыхъ отправляли въ Западную Австралію, гдѣ существовалъ еще недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Но и здѣсь скоро обстоятельства сложились такъ, какъ очерчено выше, какъ, на примѣръ, въ колоніяхъ: Новомъ Южномъ Уэльсѣ, Вандименовой Землѣ и Викторіи. Вслѣдствіе этого въ 1864 году ссылка была въ Англіи безусловно пріостановлена.

Русская ссылка въ Сибирь имѣетъ, въ упомянутомъ отношеніи, много сходствъ съ ссылкой, практиковавшейся въ Англіи. Сибирь отнюдь не полудикая французская Каэнна, отъ которой французы ничего почти существеннаго ждать не могутъ, какъ потому, что французы абсолютно неспособны къ колонизаціи народъ, такъ и потому, что Каэнна, даже въ рукахъ англичанъ, могла бы играть лишь незначительную роль, какъ колонія. Сибирь же—это неоцѣнимый кладъ для будущей, стоящей на болѣе высокой колонизаторской ступени Россіи. Благодаря Сибири, Россія станетъ не только по пространству, но и въ промышленно-торговомъ отношеніи величайшей пріокеанійской страной. Сибирь имѣетъ гораздо большее значеніе для Россіи, чѣмъ пресловутая Индія для Англіи, уже потому, что Индія остается и останется индійскою, между тѣмъ какъ Сибирь, вслѣдствіе непосредственнаго сосѣдства съ метрополіей и въ силу колонизаторскаго генія русскаго народа, съ теченіемъ времени должна стать вполне русскою. Отнюдь не умаляя значенія Средней Азіи и дальнѣйшаго пути отъ нея къ персидско-индійскому поморью, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не отдавать предпочтенія предварительному упорядоченію Сибири. Даже допуская, — хотя и неуверенно, въ виду Китая и Японіи, — что конечная цѣль дороги къ Индійскому океану болѣе блестящая, чѣмъ къ Тихому океану, мы не должны забывать, что Сибирь сама по себѣ несравненно цѣннѣе Средней Азіи вмѣстѣ съ Афганистаномъ и Белуджистаномъ.

Причина того, что Сибирь, не смотря на трехсотлѣтнее владычество въ ней, сравнительно еще мало дала Россіи, заключается въ нашемъ недомысліи и порочности. Эксплоатація Сибири велась и ведется самымъ безпощаднымъ образомъ промышленно-торговыми хищниками; ихъ жертвами стала сама земля съ ея богатствами, инородческія племена и сама масса пришлаго рабочаго русскаго населенія. На Сибирь русское общество смотрѣло, съ одной стороны, какъ испанці бывало на Америку, т. е. какъ на никому не принадлежащій кладъ, который можно безнаказанно расхищать, а съ другой стороны—какъ французы смотрятъ на Каэнну, т. е. на мѣсто, негодное для мѣстожителства „правоспособныхъ“ людей, какъ на дикую область, гдѣ, послѣ краткаго знойнаго лѣта, царятъ лишь сорокаградусные морозы да страшные снѣжные бураны. Русское общество, желающее маршировать во главѣ цивилизаціи, дѣтей своихъ воспитываетъ на книжкахъ объ индѣйцахъ, неграхъ, арабахъ, зулусахъ и другихъ „романтическихъ герояхъ“ разныхъ странъ,—въ дѣлѣ

же вѣдѣнія нашихъ собственныхъ областей и населяющихъ ихъ народностей мы сущіе невѣжды. Правда, изъ учебниковъ географіи и изъ газетныхъ корреспонденцій знаемъ, что въ Сибири живетъ около пяти милліоновъ русскихъ, „разбросанных“ на пространствѣ въ триста тысячъ квадратныхъ миль, „т. е. по 16 человѣкъ на цѣлую квадратную милю“. При томъ, тамошнее русское населеніе мы привыкли представлять себѣ отчасти въ видѣ каторжныхъ и „поднадзорныхъ“, отчасти въ видѣ бродягъ и прочаго темнаго люда. Знаемъ мы, что въ Сибири существуютъ и „города“, и „деревни“, но воображаемъ ихъ себѣ чуть не въ видѣ какихъ нибудь захолустныхъ труппъ посреди тайгъ и тундръ, безъ нравственной фizioноміи, безъ культурныхъ потребностей, безъ культурныхъ задатковъ, безъ будущности.

Въ этомъ-то темномъ невѣжествѣ и коренится главная причина того сравнительнаго равнодушія, съ которымъ русское общество, въ своемъ большинствѣ, относится къ сибирской окраинѣ. Это же невѣжество есть причина и того, что иные, повидимому, честные и либеральные публицисты борются въ рядахъ реакціонеровъ противъ требованія сибирскаго общества объ отмѣнѣ ссылки въ его среду.

Какъ уже сказано, Сибирь не должно сравнивать съ Каэнной. Пятимилліонное русское населеніе не „разбросано“ на трехстахъ тысячахъ квадратныхъ миль „по 16 человѣкъ на милю“, не разсыяно по тундрамъ и тайгамъ, а живетъ вообще культурной жизнью и, какъ доказываетъ, на примѣръ, его отношеніе къ низшему, среднему и высшему народному образованію, жаждетъ культурнаго совершенствованія. Города и деревни составляютъ вѣдь культурные центры со всѣми задатками болѣе интенсивнаго развитія при благопріятныхъ условіяхъ, или, точнѣе, при уничтоженіи существующихъ неблагоприятныхъ условій. И именно потому, что сибирское общество уже оформилось культурно, оно протестуетъ противъ ссылки, оно не желаетъ служить долѣе мѣстомъ пріема нравственныхъ отбросовъ метрополіи.

Мы не будемъ здѣсь распространяться о самомъ принципѣ ссылки, имѣющемъ, даже среди юристовъ, тавихъ безусловныхъ противниковъ, какъ Bantham и его послѣдователи, а въ такихъ ученыхъ, какъ Holtzendorf, только условныхъ друзей. Предположимъ, что ссылка нужна и полезна. Какъ мы указывали выше, ссылка, въ общемъ, имѣетъ цѣлью сдѣлать опаснаго для общества преступника безвреднымъ. Но цѣль эта можетъ быть достигнута только полнымъ изолированіемъ его отъ культурнаго общества, которому онъ угрожаетъ, поселеніемъ его въ мѣстности, отрѣзанной отъ остальнаго міра. Ссылка же въ Сибирь, какъ она понинѣ примѣняется, есть въ сущности не что иное, какъ избавленіе европейской части культурнаго русскаго общества отъ опаснаго субъекта на счетъ сибирской части того же культурнаго общества. Это, очевидно, никакого принципиальнаго значенія не имѣетъ, а составляетъ только явную несправедливость!

По понятіямъ новѣйшей криминалистики, всякое наказаніе должно имѣть не столько устрашающую цѣль, которая на самомъ дѣлѣ рѣдко достигается, не столько карательную, не имѣющую сама по себѣ никакого соціального значенія, сколько цѣль исправительную. Послѣдняя же достигается, по отношенію къ нравственно испорченнымъ субъектамъ не посредствомъ лишенія или ограниченія ихъ свободы, а только посредствомъ обязательнаго, полезнаго труда. На этой идеѣ основываются тюремныя реформы новѣйшаго времени. За ссылкой мы не должны, будучи послѣдовательны, признавать только узкое предохранительное значеніе. Разъ ссылку считаемъ необходимою, мы должны дать ей исправительное направленіе посредствомъ обязательнаго труда. Самой лучшей въ этомъ отношеніи формою труда всѣми признана форма земледѣльческа. И вотъ основаніемъ „ссыльныхъ“ земледѣльческихъ колоній мы можемъ успѣшно достигнуть самой высшей и наиболѣе желанной цѣли наказанія. Противъ этой ссылки сибиряки ничего имѣть не могутъ и, безъ сомнѣнія, не будутъ. Противъ нынѣшней же ссылки, оскорбительной и вред-

ной для сибирскаго населенія, его въ протестѣ его должны, по чувству справедливости, поддерживать всѣ благомыслящіе люди.

А. Ц.—въ.

Къ настоящей статьѣ автора, разсматривающаго вопросъ о ссылкѣ совершенно правильно, редакция можетъ только прибавить, что устройство колоній и работъ для преступниковъ есть система исправительная, не имѣющая ничего общаго съ вѣчной ссылкой и экспатрированіемъ. Примѣненіе такихъ исправительныхъ заведеній можетъ быть осуществлено вездѣ, и нѣкоторыя мѣста представятъ даже болѣе удобствъ, чѣмъ дальняя Сибирь, гдѣ всегда будетъ труднѣе организовать это дѣло на вполнѣ рациональныхъ началахъ.

ХРОНИКА.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, Высочайше повелѣть соизволилъ отпустить изъ суммъ государственнаго казначейства пособие въ 5,000 руб. на устройство въ 1887 году выставки въ Екатеринбургѣ.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 30-го апрѣля 1886 года, утвержденъ уставъ ссудосберегательной кассы служащихъ въ Иркутскомъ городскомъ общественномъ управленіи.

1-го октября этого года учреждается для Туркестанскаго военнаго округа — военно-окружной судъ; въ составъ туркестанскаго суда назначены: предсѣдателемъ—военный судья генераль-маіоръ Володиміровъ, а военнымъ прокуроромъ—военный судья полковникъ Шлетынскій.

1-го сего іюля открыты, въ числѣ другихъ, слѣдующіе почтово-телеграфные округа: Иркутскій—изъ губерній: Иркутской, Енисейской и области Якутской; Омскій—изъ губерній Тобольской и области Акмолинской; Оренбургскій—изъ губерній: Оренбургской, Самарской и областей: Тургайской и Уральской; Гомскій—изъ губерній Томской и области Семипалатинской; Туркестанскій—изъ областей: Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Семирѣченской.

Изъ Владивостока телеграфируютъ, что управляющій морскимъ министерствомъ, въ сопровожденіи пріамурскаго генераль-губернатора, выѣхалъ 2-го іюля въ Хабаровку, затѣмъ прослѣдуетъ въ Николаевскъ, откуда на клиперѣ «Абрекъ» отправится на Сахалинъ и по всѣмъ портамъ, лежащимъ между Николаевскомъ и Владивостокомъ.

«Новости» сообщаютъ, что на отправляющійся на дняхъ изъ Одессы на Сахалинъ крейсеръ «Нижній Новгородъ» доставленъ, между прочимъ, брянскимъ рельсопрокатнымъ желѣзнодорожнымъ и механическимъ заводомъ сдѣланный ему главнымъ тюремнымъ управленіемъ заказъ стальныхъ рельсовъ для острова Сахалина, гдѣ предполагается въ недалекомъ будущемъ провести желѣзную дорогу для соединенія рельсовыми путями постовъ Дуэ и Корсаковъ между собою, а также обихъ этихъ постовъ съ каменноугольными коями на островѣ.

Въ Ташкентѣ, какъ передаютъ «Туркестанскія Вѣдомости», совершенно недавно освященіе памятника въ честь погибшихъ при взятіи Ташкента. Двадцать одинъ годъ тому назадъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, 14 числа, въ 11 час. вечера, подошелъ къ Ташкенту, съ юго-восточной стороны его, отрядъ генераль-маіора Черняева, а 15 числа, на разсвѣтѣ, этотъ громадный городъ, защищавшійся тридцатитысячнымъ войскомъ, былъ взятъ штурмомъ горстью русскихъ воиновъ, состоящую всего изъ 1,951 человекъ. Атака была произведена на Комеланскія ворота, вблизи которыхъ пали 25 нижнихъ чиновъ. Эти 25 человекъ, по распоряженію начальника отряда, погребены около того самаго мѣста,

на которомъ убиты, именно неподалеку отъ воротъ, въ саду одного сарта. Здѣсь-то и устроенъ памятникъ въ видѣ часовни. На торжествѣ, 15 іюня, присутствовало бухарское посольство, поздравившее генераль-губернатора отъ имени эмира съ настоящимъ торжествомъ. Въ отвѣтъ на привѣтствіе генераль-губернаторъ сказалъ: «Я очень радъ, что вы, представители Бухары, видите тѣ дружескія чувства, которыя связываютъ русскихъ съ мусульманскимъ населеніемъ края. Вы можете видѣть и засвидѣтельствовать своимъ согражданамъ, что во всемъ Туркестанскомъ краѣ господствуетъ полный миръ и порядокъ, каждый свободно исповѣдуетъ свою вѣру и мирно трудится для своего благосостоянія». Между прочимъ, въ числѣ членовъ ташкентской депутаціи находилось много туземцевъ, участвовавшихъ годъ тому назадъ въ подобной же депутаціи, изъявившей генералу Черняеву покорность отъ имени жителей Ташкента. Депутація въ то время представлялась генералу Черняеву именно въ томъ же саду, гдѣ теперь устроено братское кладбище и гдѣ нынѣшній начальникъ края, генераль Розенбахъ, принялъ теперь подобную же депутацію, засвидѣтельствовавшую, что втеченіе свыше 20 лѣтъ, истекшихъ со дня взятія Ташкента, дружескія отношенія побѣжденныхъ къ побѣдителямъ не только не испортились, но еще упрочились. По освященіи памятника, могилы и совершеніи панихиды по усопшимъ, войскамъ и многимъ изъ присутствующихъ розданы были брошюры, въ которыхъ перепечатаны три донесенія генерала Черняева о штурмахъ Ташкента 2-го октября 1864 и 15-го іюня 1865 года.

Въ «Саратовскій Дневникъ» пишутъ, что преосвященный иркутскій Веніаминъ надняхъ прислалъ письмо къ тамошнему преосвященному Павлу, въ которомъ проситъ его рукоположить во священники крестьянина с. Ольшанки, Сердобскаго уѣзда, Гурія Уткина, не такъ давно обращеннаго изъ раскола австрійской секты въ православіе, а затѣмъ, снабдивъ его прогонами, суточными и подъемными по положенію, выслать его въ городъ Иркутскъ, откуда онъ имѣетъ прослѣдовать далѣе въ одно изъ раскольническихъ селеній Забайкальской области.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ видахъ развитія торговыхъ сношеній Россіи съ Японіей, была сдѣлана попытка привоза японскаго зеленого чая въ Россію, но попытка эта не удалась, такъ какъ японскій чай, вслѣдствіе особаго способа его приготовленія, придающаго ему нѣсколько горьковатый вкусъ, значительно отличающій его отъ китайскаго черного чая, не нашель сбыта на русскихъ рынкахъ, вслѣдствіе чего въ Японіи способъ приготовления чая, предназначеннаго для ввоза въ Россію, въ послѣдніе два года подвергается значительному измѣненію и усовершенствованію и въ августѣ мѣсяцѣ, какъ передаетъ «Новое Время», въ наши южные порты придетъ первая партія предназначеннаго для русскихъ потребителей японскаго черного чая.

Намъ сообщаютъ изъ Бійска, что мѣстный викарій, Макарій, хлопочетъ о назначеніи слѣдствія по дѣлу о пожарѣ архіерейскаго дома, о чемъ мы своевременно сообщали. Викарій, какъ говорятъ, убѣжденъ (!!!), что пожаръ этотъ произошелъ отъ поджога, совершеннаго политическими ссыльными, которые, какъ онъ полагаетъ, могли совершить его изъ мести къ нему за его запрещеніе имъ давать уроки у частныхъ лицъ. Предположеніе его якобы подкрѣпляется словами какого-то кузнеца, который гдѣ-то и когда-то слышалъ, что кто-то изъ политическихъ ссыльныхъ говорилъ о чемъ-то, что, какъ ему казалось, близко подходило къ желанію взорвать динамитомъ архіерейскій домъ.

Мы думаемъ, что весь этотъ слухъ чистѣйшая нелѣпица, созданная досужими людьми.

Недавно по окрестнымъ селамъ, расположеннымъ близъ Иркутска, какой-то монахъ, по словамъ «Сибири», носилъ изваянную изъ дерева икону св. Николая, причемъ настойчиво требовалъ квартиръ и подводъ «подъ казну». Моделщикамъ онъ раздавалъ клочки ваты, которою обложенъ былъ образъ.

Столичныя газеты сообщаютъ, что по послѣднему тиражу выигранныхъ билетовъ самый большой выигрышъ въ 200,000 палъ на билетъ благовѣщенскаго 1-й гильдіи купца Мелкумова, провозящаго большую торговлю по Амуру. Выигрышъ въ 75,000 рублей палъ на билетъ товарища прокурора барнаульскаго окружнаго суда Яновскаго.

Иркутскій театръ, управляемый нѣсколькими лѣтъ дирекціей, въ настоящее время, по распоряженію генералъ-губернатора, переданъ въ вѣдѣніе артиста Малевскаго. Причиной этому послужили несоразмѣрные расходы, дѣлаемые дирекціей. Въ настоящее время г. Малевскимъ командированъ, въ Москву для пополненія труппы артистъ, Пузинскій, который, какъ сообщаютъ «Совр. Изв.», уже прибылъ въ Москву и пригласилъ на комическія роли Минскаго, на роли первыхъ любовниковъ Калмыкова, подвизавшагося въ послѣднее время съ успѣхомъ на сценахъ виленаго и нижегородскаго театровъ, Мельникова и Калмыкову на роли *ingénué*.

Въ Иркутскѣ пошла мода—взятки передавать въ благотворительныя общества. Что же, мода, пожалуй, хорошая, только не игра ли это въ честность? Надняхъ читаемъ въ «Сибири», что нѣкімъ К. переданы въ одно общество «оставленные у него въ квартирѣ неизвѣстно съ какою цѣлью однимъ господиномъ, назвавшимъ себя»... столько-то рублей. Вотъ подумаешь, какія честныя времена настали!

По словамъ «Новаго Времени», въ петербургскомъ судѣ предстоитъ къ слушанію очень интересное дѣло. Въ одномъ изъ петербургскихъ военныхъ училищъ воспитывался нѣкій Даниловъ, сынъ богатаго сибирскаго золотопромышленника. Наука очень туго давалась молодому человѣку, никакъ не былъ онъ въ состояніи сдать офицерскихъ экзаменовъ. Отецъ долгое время ждалъ и терпѣлъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и объявилъ сыну, что если онъ и въ этомъ году—это было въ 1876 году—не будетъ произведенъ въ офицеры, то онъ, отецъ, lui *сокрега les vivres*, или, выражаясь порусски, лишитъ его содержанія, тысячъ пяти или шести въ годъ. Что тутъ дѣлать? Какъ быть? Въ виду грознаго отцовскаго ультиматума молодой человѣкъ совсѣмъ упалъ духомъ. «Не безпокойся, дружище, хочешь—я тебя выручу изъ бѣды,—обратился тутъ къ нему одинъ изъ его пріятелей, офицеръ:—давай мнѣ всѣ твои документы, я ѣду на югъ и подъ твоимъ именемъ сдаю всѣ экзамены»... Такъ оно все и было устроено. Услужливый пріятель взялъ отъ Данилова документы, поѣхалъ на югъ и благополучно сдалъ всѣ экзамены. Предстояло только вернуться сюда въ Петербургъ и передать Данилову офицерскіе эполеты. Но тутъ какъ разъ подошла мобилизація, дѣло было осенью 1876 года. Самозваннаго Данилова въ Петербургъ не пустили, зачислили его въ строевую часть, а тамъ, черезъ нѣсколько времени, заставили черезъ Румынію пропутешествовать на поле военныхъ дѣйствій въ Болгарію. Такимъ образомъ, мнимый Даниловъ принужденъ былъ совершить всю кампанію, былъ какъ-то раненъ, впрочемъ, легко, и заслужилъ Георгія. Впродолженіе всего этого времени настоящій Даниловъ скрывался здѣсь въ Петербургѣ, безъ документовъ и безъ всякихъ рѣшительно средствъ, такъ какъ отецъ его былъ убѣжденъ, что онъ находится въ дѣйствующей арміи въ Болгаріи. Проходитъ годъ, полтора года, часть, въ которой служилъ мнимый Даниловъ, получаетъ разрѣшеніе вернуться въ Россію, съ нею вмѣстѣ возвращается и самозванецъ, ѣдетъ въ Петербургъ, разыскиваетъ настоящаго Данилова и передаетъ ему георгиевскій крестъ, офицерскій мундиръ и всѣ документы. Даниловъ снова становится настоящимъ Даниловымъ, хотя въ то же время и не совсѣмъ настоящимъ, на половину подложнымъ, но уже дѣлать нечего, возвратъ невозможенъ. Даниловъ спѣшитъ, разумѣется, выйти въ отставку, отецъ съ нимъ окончательно примирился, онъ даже гордился своимъ сыномъ-героемъ. Даниловъ влюбляется въ одну благородную дѣвицу и женится. Все идетъ, какъ по маслу, вдругъ—отъ тюрьмы да отъ сумы не зарекайся—вдругъ нѣкій его недоброжелатель, по слухамъ, безнадежно влюбленный

въ его жену, какимъ-то путемъ рассказываетъ всю таинственную исторію Данилова и сообщаетъ о ней прокурору. Обманъ обнаруживается, и Даниловъ попадаетъ подъ слѣдствіе. Въ настоящее время слѣдствіе уже кончено, и интересному дѣлу этому суждено въ скоромъ времени явиться передъ присяжными.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Тюменское убѣжище. Движеніе переселенцевъ началось въ Тюмени съ 1-го мая. Такого сильнаго скопленія переселенцевъ въ переселенческомъ убѣжищѣ, какъ бывало въ прежнихъ годахъ до постройки екатеринбургско-тюменской желѣзной дороги, теперь нѣтъ. Наибольшее количество переселенцевъ доставили губерніи Екатеринославская и Тамбовская по 326 душъ разнаго пола и возраста, каждая губернія въ отдѣльности. За этими губерніями слѣдуетъ Пермская, изъ которой прошло, чрезъ тюменское переселенческое убѣжище, 217 человѣкъ. Изъ новыхъ губерній, давшихъ въ нынѣшнемъ году много переселенцевъ, есть—Астраханская; послѣдняя дала 214 человѣкъ. Вмѣсто переселенцевъ земли войска Донскаго, которые шли въ прошломъ году, пошли переселенцы Астраханской губерніи. Пензенская губернія дала 181 человѣка. Губерніи Витебская, Курская, Воронежская, Вятская дали 100 съ чѣмъ нибудь каждая. Наименьшее количество переселенцевъ, около десятка каждая, дали губерніи: Вологодская, Костромская, Нижегородская, Полтавская, Тверская, Тульская. Всѣхъ переселенцевъ, прошедшихъ и получившихъ пріютъ на нѣкоторое время въ убѣжищѣ за май 1886 годъ, было 2,075 человѣкъ. Изъ этого числа 684 мужчинъ, 607 женщинъ и 784 дѣтей. Часть переселенцевъ, впрочемъ, ихъ немного, находятъ болѣе выгоднымъ покупать лошадей и пробраться Христовымъ именемъ въ Томскъ. Переселенцы въ май не всѣ уѣхали въ Томскъ, а часть ихъ направилась въ Семипалатинскъ.

Переселенцы на пути по Россіи. Наплывъ переселенцевъ, слѣдующихъ изъ внутреннихъ губерній Россіи и жаждущихъ отыскать на обширной территоріи Сибири «обтѣованныя земли», громаденъ. Пароходы Курбатова и Григорьева высаживаютъ въ Перми нѣсколько десятковъ семей переселенцевъ чуть не каждый рейсъ, какъ сообщаетъ пермскій корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника». Эти пароходы приходятъ сюда обыкновенно рано утромъ, а поѣздъ желѣзной дороги отходитъ поздно вечеромъ,—такимъ образомъ, переселенцамъ приходится дожидаться очень долгое время и испытывать при этомъ вопіющія неудобства. Высадившись на пристани, переселенцы, прогнанные съ конторокъ, тянутся на вокзалъ желѣзной дороги, рассчитывая здѣсь найти пріютъ. Къ сожалѣнію, по распоряженію желѣзно-дорожной администраціи, переселенцы и здѣсь встрѣчаютъ отпоръ, который выливается въ форму довольно внушительнаго движенія рукъ и криковъ: «пошелъ, пошелъ!... куда прет!... не приказано!»... Надо замѣтить, что въ послѣдніи двѣ недѣли чуть не съ утра до ночи льютъ дожди и погода стоитъ здѣсь замѣчательно холодная. И вотъ переселенцы, волею судьбы, остаются на грязной мостовой подъ постояннымъ дождемъ, пронизывающимъ насквозь ихъ ветхую одежду... Положеніе ихъ дѣйствительно ужасное... Неужели, хотя бы только на время дождей и холода (въ первыхъ числахъ іюня термометръ показывалъ, напримѣръ, только 4°), пароходная и желѣзнодорожная администрація не можетъ измѣнить своимъ распоряженіямъ и дать пріютъ этой оборванной, полуголодной, постигнутой отъ холода толпѣ?...

28-го іюня по Нижегородской желѣзной дорогѣ отправлена въ Сибирь партія переселенцевъ изъ Курской губерніи въ числѣ 65 человѣкъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Екатеринбургъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Фельетонистъ злощастной „Екатеринбургской Недѣли“ сдѣлалъ недавно недурную характеристику тѣхъ редакціонныхъ паразитовъ, опровергателей и отрицателей, авторовъ „апровиржіеиѣ“, съ которыми приходится имѣть дѣло редакціямъ, печатающимъ корреспонденціи о дѣятельности разныхъ провинціальныхъ саврасовъ, боящихся пропечатанія. Къ сожалѣнію, онъ упустилъ одинъ типъ опровергателей—того, къ которому принадлежатъ писатели, выступающіе съ опроверженіями не въ защиту себя, а въ защиту своего хозяина и благодѣтеля, на котораго въ печати пущена „мараль“. Эти скудоумные молодцы, ратуя за поруганную въ печати честь „самого“, не знаютъ даже тѣхъ границъ „приличіевъ“, которыми стѣсняется даже всякій саврасъ, пишущій „апровиржіеиѣ“ лично отъ себя, а не по найму. Къ числу подобныхъ перловъ литературы принадлежитъ замѣтка названнаго органа по поводу корреспонденціи „Восточнаго Обозрѣнія“.

Въ Екатеринбургѣ есть купецъ Симоновъ, торгующій мукою, скобянымъ товаромъ и... литературой; послѣднее въ томъ смыслѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ его избрали въ городскіе головы, онъ поддерживаетъ и субсидируетъ мѣстную газету. Всѣ помирились съ фактомъ существованія газеты на иждивеніи г. Симонова, нашлись люди, которые не побрезговали поступить на роли издателя, редактора, секретаря, репортеровъ и всякихъ другихъ сотрудинокъ, удалось даже завербовать кое-кого изъ настоящихъ литераторовъ. Но никто никогда не забывалъ, что все это Симоновскіе служащіе и Симоновская торговая статья. Газета создала себѣ репутацію, какой заслуживала, и на мѣстѣ и въ средѣ другихъ литературныхъ органовъ. Если игнорировалась газета, то изъ этого, однако, не слѣдовало, чтобы всецѣло игнорировать общественную дѣятельность г. Симонова, какъ городского головы, и мы думаемъ, что даже онъ самъ никогда не мечталъ о томъ, что, имѣя свой органъ, онъ застрахованъ отъ обсужденія его дѣятельности другими органами гласности.

Но не такъ думали его служащіе. Они только что собрались ликовать, пропечатавъ въ воскресномъ номерѣ, что хозяйну „за неслужебныя отличія“ пожалована медаль, какъ вдругъ подошелъ номеръ „Восточнаго Обозрѣнія“, гдѣ помѣщена корреспонденція, подводящая двухгодичные итоги служебной дѣятельности головы Симонова и отзывающаяся о нихъ съ нѣкоторой ироніей. И вотъ появилось „апровиржіеиѣ“. Вашъ корреспондентъ обзывается „трезоровъ“, барантачемъ, клеветникомъ, лжецомъ, пошлецомъ, профанирующимъ печатное слово для достиженія своихъ цѣлей съ какимъ-то личнымъ умысломъ, хотя не только этотъ умыселъ, но и личность корреспондента опровергателямъ неизвѣстны. И за что же? За то, что, подводя итоги двухлѣтней дѣятельности городского головы, онъ не умилился такъ, какъ умиляются опровергатели. Вотъ перечень заслугъ головы Симонова, по счету этихъ послѣднихъ: 1) благодаря Симонову, въ вопросѣ о прекращеніи торговли въ праздничные дни давно пользуется правами гражданина (sic); 2) базарная площадь и театральная улица, бывшая увѣчьемъ для лошадей и каторгой для извозчиковъ (sic), Симоновымъ приведены въ блестящій видъ; 3) Симоновъ реставрировалъ, исправилъ, засадилъ деревьями всѣ проспекты, доведенные до того, что по нимъ перестали ходить коровы; 4) Симоновъ привелъ въ порядокъ Малаховъ ключъ, единственный въ городѣ, и устроилъ нѣсколько штукъ прекрасныхъ водокачекъ (для чего же, если Малаховъ ключъ единственный); 5) Симоновъ устроилъ комитетъ по разбору и прирѣзкѣ нищихъ и 6) благодаря Симонову, произведена правильная и безбидная переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ и дома снабжены номерами.

Какъ ни безтолковъ этотъ перечень, нельзя не видѣть, что игнорировать его въ смыслѣ перечня служебныхъ заслугъ всякій имѣлъ полное право. Судите сами. Изъ перечисленныхъ сооружений только нѣсколько штукъ водокачекъ сдѣланы на средства г. Симонова, получающаго отъ города губернаторское содержаніе; все же остальное сдѣлано на городскія средства. Поднятіе всякихъ вопросовъ составляетъ прямую обязанность каждаго гласнаго, даже не получающаго содержанія, а потому, конечно, ни открытіе комитета о нищихъ, ни исправленіе городской оцѣнки особой комиссіей, ни

даже привѣска нумеровъ къ домамъ не могутъ почитаться заслугами г. Симонова.

Только приказчикамъ свойственно все относить къ заслугамъ своего хозяина, только имъ простительно не знать, что обязательныя для жителей постановленія издаются всей думою по соглашенію съ администраціей и что ихъ хозяинъ въ думѣ имѣетъ одинъ только голосъ и отличается отъ другихъ гласныхъ только тѣмъ, что получаетъ жалованье. Употребите, господа возражатели, ваши воскресные досуги для того, чтобы пройдтись далѣе базарной площади и театральнаго улицы, и вы убѣдитесь, что вы нагали, утверждая, что проспектъ (одинъ, а не всѣ) реставрированъ, что увѣчь для лошадей, за исключеніемъ двухъ улицъ, приходится по всему городу, что изъ окраинъ только на одну дачу вашего принциала можно попасть, не ломая ногъ, и что нельзя же было не построить водокачки, загородивъ отъ жителей Мельковки проходъ къ рѣкѣ Исети по мѣсту, купленному такъ дешево у города тѣмъ же г. Симоновымъ. Вы ошибаетесь, если думаете, что даже въ Екатеринбургѣ повѣрятъ вашему „апровиржіеиѣ“. Изъ каждой его строки такъ и видно, что вы сами чувствуете всю неправду своихъ увѣреній.

Ялуторовскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Жизнь обывателей нашего городка проходить скучно и однообразно: общественныхъ развлеченій никакихъ нѣтъ; существуетъ у насъ общественный клубъ, но за послѣднее время его посѣщаютъ немногіе, придуть, поиграютъ въ картишки, на бильярдѣ, пропустятъ по рюмкѣ „очищенной“—и домой. Было время, когда и у насъ жизнь разнообразилась общественными дѣлами, но то время прошло—и, кажется, прошло безвозвратно: нѣтъ уже тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые умѣли сплотить наше разьединенное общество, умѣли заинтересовать его какимъ нибудь живымъ общественнымъ дѣломъ. Хотя и въ настоящее время были попытки сплотить наше общество, но интриги и дразни, усилившіяся за послѣднее время, мѣшали имъ въ достиженіи намѣченной ими благой цѣли, о чемъ приходится отъ души пожалѣть! Многого мы ждали отъ новыхъ чиновниковъ, недавно прибывшихъ къ намъ, людей, такъ сказать, интеллигентныхъ, но, увы! пришлось скоро намъ разочароваться: въ обществѣ они появляются очень рѣдко, а если когда и бываютъ, то стараются смотрѣть на всѣхъ „свысока“. Сколько у насъ было надеждъ при ожиданіи сюда крестьянскихъ чиновниковъ! Но, увы! опять-таки горькое разочарованіе: съ прїѣздомъ ихъ именно и начались „разныя педуумѣнія“, а кто могъ думать, что такіе просвѣщенные люди, появившись въ нашемъ укромномъ обществѣ, не обновятъ и не возвысятъ жизни нашихъ обывателей? Повторяю: снова горькое разочарованіе!.. Общественныхъ развлеченій нѣтъ, но за то слѣдствій—очень много. Было слѣдствіе о поборахъ Л—на, было слѣдствіе о захватѣ денегъ К—нымъ, ожидается еще слѣдствіе о... да мало ли о комъ и о чемъ не было и еще не предвидится слѣдствій? всего не перечтешь; этимъ насъ Богъ не обидѣлъ! Сплетень тоже очень и очень много!

Село Улала, Війскаго округа (корресп. „Вост. Обозр.“). Центръ просвѣдительной дѣятельности нашей на языческомъ Алтаѣ, Улала, поражаетъ прїѣзжаго отсутствіемъ всякихъ признаковъ народной жизни: довольно обширный базаръ пустуетъ, улицы какъ-то робко проходятъ въ одиночку купцы, инородцы, крестьяне; въ праздникъ не слышно ни криковъ играющихъ дѣтей, ни веселыхъ пѣсенъ молодежи. Можно было бы подумать, что здѣсь тихое убѣжище безмолвія и религіозной созерцательности, если бы не это огромное зданіе, украшенное желѣзнымъ переплетомъ въ одномъ окнѣ, шпиромъ для флага и вывѣской съ губернскимъ гербомъ и надписью: „сельская сборная“. Въ этомъ зданіи все наполняетъ душу обывателя благоговѣйнымъ содроганіемъ: въ огромномъ залѣ возвышается засѣдательское мѣсто, на стѣнѣ крупно написанное объявленіе приглашаетъ „ябедниковъ“ къ воздержанію отъ доносовъ, а никогда не пустующая кутузка служитъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ, что г. Фіалкинъ продолжаетъ усматривать въ ней умиротворяющее значеніе для „бунтующаго“ инородца *). Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь надо всѣмъ тяготѣть полицейскій режимъ, все отмѣчено вмѣшательствомъ всеокрушающей засѣдательской власти и даже сужденія объ общественныхъ дѣлахъ не обходятся безъ „регулирующаго“ участія самого Фіалкина. Впрочемъ, можетъ быть, г. Фіалкинъ въ послѣднемъ случаѣ ограждаетъ

*) Фельетонъ „Восточн. Обозр.“: „Культуртрегерское воздѣйствіе“, августъ, 1885 года.

собственную безопасность, памятуя случай, имѣвшій мѣсто въ с. Кебезеньскомъ. По рассказамъ, кебезеньскіе инородцы, утомленные дебоширствомъ подвыпившаго „отца“ изъ племени телеутовъ, приговоромъ рѣшили высѣчь его, и только по просьбѣ купца Софронова это рѣшеніе осталось неисполненнымъ! Кстати, нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ пресловутаго бунта. Обвиненіе въ нежѣ, между прочимъ, пало на проживающаго здѣсь крестьянина Балина, имѣвшаго неосторожность ссудить Фіалкина 100 рублями и потребовавшего уплату, „когда баринъ оперился“. Требованіе совпало съ протестомъ инородцевъ противъ принудительныхъ мѣръ Фіалкина къ устройству тротуаровъ, вслѣдствіе чего на Балина выпала отвѣтственность, какъ на зачинщика и подстрекателя. Онъ отданъ подъ надзоръ полиціи ни болѣе, ни менѣе, какъ на пять лѣтъ! Можете представить себѣ положеніе человѣка, подпавшаго подъ надзоръ собственного своего должника?!

Лепсинскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Въ 5 часовъ вечера, 9-го іюня, на сѣверо-западѣ появилась совершенно темная туча, которая, разразившись грозой, замѣчательно быстро прошла надъ городомъ и скрылась за юго-восточными горами. Спустя полчаса, вслѣдъ за этой тучей показалась другая, совершенно свѣтлая, градовая. Туча эта съ сѣвера направилась прямо на востокъ, шла полосой и на разстояніи 15 верстъ въ длину и 5 верстъ въ ширину истребила градомъ всѣ хлѣба, находящіеся на склонахъ этихъ горъ. Градь былъ замѣчательной величины—2 дюйма въ діаметрѣ и болѣе, средняя величина въ куриное яйцо. Чему можно удивляться,—это почти правильной формѣ града, падашаго и въ видѣ шара, и конуса, и куба, и даже цилиндра. Лошади въ полѣ отъ этого града падали на землю, а нѣкоторыхъ барановъ убивало на мѣстѣ. Въ травѣ находили убитыми мелкихъ птичекъ. Несчастныхъ же случаетъ съ людьми не было. На пашняхъ и сейчасъ остались отъ града выбитыя ямки, походя на слѣды молодого жеребенка. Многіе жители Лепсинской станицы, имѣвшіе на склонахъ этихъ горъ хлѣба, остаются голодными. Вотъ свѣдѣнія о выбитыхъ хлѣбахъ: пшеницы 320 дес., ярицы 84 дес., озими 62 дес., овса 85 дес., ячменя 45 дес.; всего 596 десятинъ. Туча эта прошла въ село Константиновское, гдѣ, вѣроятно, втрое больше попортила хлѣба (около 1,500 дес.), потому что крестьяне, сравнительно съ казаками, засѣваютъ далеко болѣе. Въ общей сложности уничтожило около 2,000 десятинъ.

Кяхта (корресп. „Вост. Обозр.“). Наша до невѣроятія монотонная и безсодержательная жизнь была нѣкоторымъ образомъ нарушена небольшимъ событіемъ. По прекрасному почину Н. А. Лушниковой, устроился 27-го апрѣля любительскій спектакль въ пользу Общества содѣйствія учащимся въ Петербургѣ сибирякамъ. Спектакль вышелъ замѣчательно удачнымъ; любители съ любовью отнеслись къ своимъ ролямъ и игра ихъ отличалась полнымъ ансамблемъ, зрители же отнеслись съ любовью къ прекрасной цѣли, явившись въ такомъ числѣ, что даже не хватило мѣста и многимъ пришлось стоять на ногахъ. Чистаго сбору, говорятъ, будетъ рублей 500. Спектакль и не новость у насъ, но этотъ спектакль выдавался изъ ряда вопъ обыкновенныхъ благотворительныхъ. Даже хозяйственная часть отличалась отъ прежнихъ, а заботы и распоряженія молодой инициаторши заставляли многихъ просто любоваться: здѣсь сказалась горячая любовь къ своимъ землякамъ и землячкамъ, учащимся въ дали отъ родины и принужденнымъ зачастую виуголодъ вести свою жизнь. Молодая инициаторша на каждомъ шагѣ выражала боязнь, какъ бы не истратить лишней копейки и тѣмъ не отнять бы ее отъ нуждающихся въ ней. Спасибо ей, большое спасибо. Настоящія строки пишутся отнюдь не ради восхваленія этой молодой особы, подобныя дѣла едва ли нуждаются въ похвалахъ. Нѣтъ, намъ хотѣлось указать на этотъ фактъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Вѣдь можетъ, этотъ примѣръ заставитъ многихъ съ тѣхъ подумать, что есть гдѣ-то голодные, дорогіе люди. Говоря это, нельзя кстати не сказать и о нашихъ кяхтинскомъ и тронико-савскомъ обществахъ. Апатія заѣла ихъ. Жизни совсѣмъ не видать. Не то было прежде. Кто широко отзывался на помощь каждому хорошему дѣлу?—Наша Кяхта, а нынѣ... Неужели денежное оскудѣніе причиною тому?—но вѣдь найдется еще достаточно тѣхъ рублей, которые можно было бы удѣлить на дѣло помощи стремящимся къ образованію молодымъ людямъ. Вотъ почему такъ ограденъ былъ день 27-го апрѣля. Хотѣлъ бы вамъ сообщить побольше о нашемъ житьѣ-бытьѣ, но, ей-ей, скуку наведу: сегодня винтъ съ выпивкой, завтра винтъ

съ выпивкой и т. д., изрѣдка развѣ только какое нибудь телеграфное извѣстіе о чайной пошлинѣ встревожитъ чаоторговцевъ, а тамъ опять винтъ... Скоро, впрочемъ, сливки наши перебираются на лоно природы, въ свои Киранскія дачи, а грѣшные подонки будутъ продолжать задыхаться въ городѣ.

Нерчинскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Природа гнѣвается на насъ,—засуха стоитъ страшная, вездѣ раздаются возгласы боязни, что хлѣба и травы повыгорятъ. Рѣки обмелѣли до невѣроятія. Последнее обстоятельство отразилось крайне скверно на торговыхъ дѣлахъ. Нужно замѣтить, что главная масса забайкальскихъ славовъ на Амурѣ приурочивается къ весеннему половодію, но нынѣ вода весной прошла по льду, затѣмъ наступило вдругъ тепло, ледъ растаялъ и рѣки не имѣли большой воды. Изъ Стрѣтенска кое-какъ выбрались пароходы. Пошли „Нерчуганъ“, „Сибирякъ“ и почтовый, дошли благополучно до Благовѣщенска. „Гражданинъ“ въ Грѣхахъ около ст. Утесной пробился, съѣлъ на мель, а затѣмъ обохъ. Другой пароходъ „Вѣра“ такъ ловко налетѣлъ на мель, что въ днищѣ его не оказалось двухъ досокъ, да благо, что дѣло было на 3-хъ футахъ глубины, теперь онъ обохъ и стоитъ спокойно. Не мѣшаетъ замѣтить, что на этомъ пароходѣ былъ грузъ, принадлежащій кажется К^о Чуриныхъ, хотя они по постановленію комиссіи не имѣли права принимать чужіе грузы. Кто тутъ виноватъ: природа или наша халатность, право трудно сказать. Другой пароходъ того же хозяина, „Русскій“, совсѣмъ не пошелъ, такъ какъ комиссія признала его негоднымъ къ плаванію, и онъ стоитъ теперь въ Стрѣтенскѣ на привязи. Въ двадцать дней мая дождя не было ни росинки, сушь страшная, рѣки уже такъ обмелѣли, что девятаго числа даже почтовый пароходъ не могъ пойти, почту отправили на лодкахъ, и лодки сѣдрили на мель. Изъ Благовѣщенска почтовый „Ермакъ“ дошелъ до Рейновой и остановился, далѣе вверхъ почту съ „Ермака“ и часть пассажировъ взялъ пароходъ „Соболь“ и 18-го числа былъ въ Игнашиной, это первый пароходъ снизу за весь мѣсяцъ навигаціи. Вотъ каковы наши легкіе пути сообщенія. Невольно напрашивается вопросъ: возможно ли при подобныхъ условіяхъ болѣе или менѣе правильное теченіе промышленности и торговли. Увы, все у насъ идетъ черезъ пень-колоду. Халатность совсѣмъ одолѣла. Каждый годъ подобные случаи бьютъ по карману нашихъ пароходовладѣльцевъ, наносятъ страшный ущербъ дѣлу торговли, а въ результатѣ опять та же халатность и ни одной здравой мысли, какъ помочь этому горю. Товарищество Амурскаго пароходства, которому по праву должна бы принадлежать инициатива въ упорядоченіи Амурскаго воднаго пути, не обращаетъ особаго вниманія,—да и что ему, получающему почти 400,000 руб. субсидіи отъ казны.

Витимскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Извѣстный Д—скій (№ 9 „Вост. Обозр.“ 1885 г.), оставившій свою писмоводительскую дѣятельность въ селеніи Витимскомъ у знаменитаго Бойцова, переселился на промысла В—ской системы и, какъ необходимый дѣлецъ, немедленно получилъ въ канцеляріи исправника такую же должность, а какъ человекъ ловкій, недолго думая, прибралъ къ рукамъ добренькаго военнаго человѣка, сдѣлался ему необходимымъ, увѣрилъ его въ своей безукоризненной честности, началъ вить изъ него веревки и подъ шумокъ обдѣлывать важныя дѣлишки. Въ силу этого грязная эксплуатація нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ вообще, а золотопромышленниковъ спиртоносцевъ въ особенности, достигла своей высшей свободы и предѣла, единственно только благодаря покровительству Д., выработавшаго за годъ службы особенную систему дѣйствій, состоящую въ травлѣ одного для примѣра, острастки и срыванья съ прочихъ. Добренькій же военный, забавляясь шампанскимъ да „любишь—не любишь“, только восторгается энергичной дѣятельностью своего исправничающаго писмоводителя и его вооруженными экскурсіями по тайгѣ, не вдумываясь въ такіе факты, какъ самоубійство В—кова, писца канцеляріи, покончившаго съ собой единственно только благодаря совмѣстному жительству съ вѣчно пьянымъ Д., растлѣвающему вліянію котораго онъ, понавившись въ сѣти и возмущившись своей честной молодой натурой, не желалъ поддаться окончательно, а, сознавъ, что возвращаться назадъ было уже поздно, покончилъ съ собой..

Видя все это, невольно спросишь себя: скоро ли судьба сжалится надъ нашей немшоной Сибирью и предастъ вѣчному забвенію царство червонныхъ валетовъ?..

Н А У Р А Л Ъ .

(Изъ путевого дневника странствующаго корреспондента).

Старая екатеринбургско-пермская дорога.—Ея исторія.—Эрановой желѣзной дороги.—Преодоленныя трудности при постройкѣ.—Особыя условия желѣзныхъ дорогъ на окраинахъ.—Осторожность и робость поѣздовъ.—Контрастъ горныхъ европейскихъ дорогъ.—Уральскій патріотъ.—Виды Урала.—Его красота.—Восходъ солнца на Уралѣ.—Добрыя пожеланія сосѣду.

Въ былое время съ Перми начиналась убійственная дорога къ Екатеринбургѣ и вольныя почты. Здѣсь же проѣзжающаго охватывали заботы и всякіе страхи за будущій путь, онъ знакомился съ тарантасомъ и открывалъ эмпирически значеніе слова: „ухабъ“. Длинные обозы встрѣчали путника, путешественникъ бывалъ свидѣтелемъ битвы между почтовыми ямщиками и обозными, но еще болѣе испытывалъ отъ невыносимой избы; жалобныя книги екатеринбургско-пермской дороги достойны храненія въ мѣстномъ архивѣ, какъ историческое свидѣтельство мукъ проѣзжающихъ. Онѣ пестрѣли начиная съ энергическихъ междометій, кончая латинскимъ „quousque tandem“.

Теперь не то, все это отошло въ исторію—и трактъ, и вольныя почты, и г. Михайловъ. Вояжёръ съ пароходной пристани быстро переносится въ находящійся на берегу вокзалъ желѣзной дороги. Онъ не заботится болѣе объ экипажѣ. Въ большомъ залѣ среди накрытыхъ столовъ прогуливается пассажиръ и ожидаетъ поѣзда. Подкатили большіе, удобные вагоны; вагоны уральской дороги особенно славятся, и дѣйствительно мы видѣли вагоны 1-го и 2-го класса весьма удобные и роскошные: особенно отличаются они высокою; въ 3-мъ классѣ, конечно, нѣтъ рѣчи о комфортѣ. Уральская дорога представляетъ особый интересъ какъ одна изъ горныхъ русскихъ дорогъ. Судьба этой дороги замѣчательна, много было когда-то положено копій за направленіе, и, всетаки, дорога отъ Перми на Екатеринбургъ не прошла прямо, а свернула по заводамъ, и потому дѣлаетъ крюкъ. Если бы рассчитать кратчайшее пространство отъ Перми до Екатеринбурга, дорога прошла бы прямѣе и движеніе было бы скорѣе. Теперь поѣздъ идетъ около сутокъ (21 часъ) до Екатеринбурга и 15 часовъ до Тюмени. Сухимъ путемъ было здѣсь всего 600 верстъ, а по желѣзной дорогѣ на 100 верстъ болѣе, къ этимъ 1¹/₂ суткамъ пути нужно присоединить ожиданіе поѣзда въ Перми около сутокъ и нѣсколько часовъ въ Екатеринбургѣ. Говорятъ, что такая потеря времени, сравнительно съ географическимъ пространствомъ, весьма значительна.

Мы далеко не противники паровыхъ и желѣзнодорожныхъ путей, но, разсматривая ихъ въ различныхъ условіяхъ и особенно на Востокѣ, приходимъ къ заключенію, что для нихъ должно быть много подготовлено предшествовавшей жизнью. Въ странахъ культурныхъ и густонаселенныхъ они играютъ одну роль, способствуютъ быстротѣ обмена, скорости сообщеній. Не то бываетъ, когда они создаются въ мѣстахъ малонаселенныхъ, гдѣ производительность слаба, грузы не велики; желѣзная дорога при быстротѣ движеній требуетъ громадное количество грузовъ и массу пассажировъ,—иначе ей нечего будетъ дѣлать. Мало того, что она будетъ работать въ убытокъ, какъ уральская горная дорога, но она еще будетъ совершать рѣдкія движенія. Сами поѣзда будутъ двигаться вяло, медленно. Такая судьба выпала на дальнюю уральскую, а теперь и екатеринбургско-тюменскую дорогу. Даже пароходное движеніе за недостаткомъ пассажировъ, какъ доказываетъ движеніе по Иртышу и Оби, страдаетъ медленностью и при массѣ пароходовъ (ихъ до 53 теперь) не можетъ совершать въ обыкновенное время чаще отправки, какъ только разъ въ недѣлю и непремѣнно съ баржею. Путь длится 9 дней, тогда какъ пассажирскій пароходъ могъ бы совершать рейсъ въ 5 или 6 дней, но для такого движенія не достаетъ пассажировъ. О желѣзной же дорогѣ, гдѣ движеніе должно быть еще чаще, нечего и говорить.

И такъ уральская и тюменская дорога въ особыхъ условіяхъ, и вы выносите здѣсь особыя впечатленія. Послѣ европейскихъ дорогъ и желѣзныхъ дорогъ внутренней Россіи вы встрѣчаетесь съ особымъ мѣстнымъ движеніемъ.

Вамъ говорятъ, прежде всего, о тѣхъ трудностяхъ, которыя предстояло преодолѣть, и эта горная дорога черезъ Уралъ составляетъ гордость инженернаго дѣла. Желѣзной дорогѣ предстояло перевалить черезъ хребетъ, хотя и весьма пологій, но нужно было кое-гдѣ пробить камень и утесы динамитомъ. Когда дорога поднимается въ гору и идетъ на перевалъ, вагоны приходится тянуть большимъ товарнымъ локомотивомъ, дорога идетъ извилинами, и вы иногда видите, какъ поѣздъ извивается кольцомъ, такъ что задній вагонъ и локомотивъ находятся на дугѣ; наклонъ дороги иногда такъ великъ, что вагонъ наклоняется на одну сторону; такими наклонами славится уральская желѣзная дорога. Въ опасныхъ и крутыхъ мѣстахъ поѣздъ идетъ медленно. Остановки на станціяхъ долги, по 20 минутъ и получасу на маленькихъ станціяхъ; видно, что поѣзды совершаютъ путь съ большими предосторожностями и, если можно такъ выразиться, съ робостью. Конечно, когда вы видите не бойкаго и не крѣпкаго на ноги человѣка, пусть ужъ онъ лучше двигается благодарамъ—медленно, чѣмъ сломитъ себѣ шею. Это приложимо и къ уральской дорогѣ. Но при всѣхъ объясненіяхъ трудности пути и дани удивленія, отдаваемой уральскимъ строителямъ дороги, мы не могли невольно не вспомнить такихъ же горныхъ дорогъ—рейнскихъ, швейцарскихъ и итальянскихъ, которыя намъ удавалось видѣть. Швейцарскія Альпы не чета Уралу и санъ-готардскій путь будетъ почище уральскаго, тѣмъ не менѣе искусство европейскихъ инженеровъ здѣсь надѣлало чудесъ. Дорога взбѣгаетъ на хребты, идетъ надъ безднами, по склонамъ и высямъ, вездѣ продѣланы не только амбразуры въ стѣнахъ, но и цѣлыя туннели, идущіе иногда спирально, и при всемъ этомъ поѣзда несутся съ замѣчательной быстротой и смѣлостью, замедленій нѣтъ, остановки мгновенны и пассажиръ, любясь прелестнѣйшими видами, не испытываетъ ни малѣйшаго страха. Видно, что инженерное искусство Европы здѣсь вышло во всеоружіи, надѣлало чудесъ, побѣдило природу и достигло совершенства въ движеніи, вполне приравнявъ горное движеніе къ обычному движенію другихъ обыкновенныхъ дорогъ.

Мы ѣхали, однако, въ компаніи съ уральскимъ, или, скорѣе, екатеринбургскимъ патріотомъ, который непрерывно восхищался и дорогою и вагонами, и не переставалъ указывать намъ на прелести Урала. Припоминая адскую сухопутную пермскую дорогу, когда-то испытанную нами, конечно, мы не могли не отдать предпочтенія настоящему комфортабельному пути и купе 2-го класса, не смотря на то, что здѣсь вторгся какой-то екатеринбургскій не то кабатчикъ, не то Деруновъ, который приставалъ къ пассажирамъ и залѣзъ въ компанію съ татарами и торговкой, везшей цѣлую галантерею. Екатеринбургецъ намъ предложилъ, чтобы избавиться отъ неприятнаго сосѣдства, перейти къ нему въ 1-й классъ. Благодаря только этому, мы провели ночь спокойно. Такъ какъ поѣздъ выходитъ около 9¹/₂ часовъ вечера, то ночью любоваться Ураломъ не совѣмъ удобно; расположеніе поѣздовъ и на этотъ разъ отняло у пассажировъ удовольствіе, хотя при проѣздѣ въ 21 часъ какая нибудь часть пути непремѣнно бы выпала на ночь. Эта ночь кокетливо скрыла предъ нами часть Урала, но, всетаки, съ нѣкоторымъ упрекомъ желая видѣть часть пути, мы проборолись со сномъ до 3 часовъ и были свидѣтелями восхода солнца.

— Какъ хорошъ Уралъ,—говорилъ намъ уральскій патріотъ, не скрывая любви своей къ роднымъ мѣстамъ, а Уралъ съ своими мохнатыми склонами бѣжалъ да бѣжалъ предъ нашими глазами. Вотъ мы поднимаемся къ станціи „Чусовой“, стоящей на перевалѣ, горы здѣсь сходятся, мы проходимъ какъ бы ущелье, подъемъ крутой до того, что отпущенные и неудерживаемые вагоны могли бы скатиться назадъ съ неимоверною быстротою. Мы видимъ, какъ постоянно заворачиваетъ дорога, ища путей среди горныхъ

проходовъ. Видны горныя ручьи, скачущіе по камнямъ, потинуло знакомой свѣжестью и холодкомъ горнаго воздуха, а вонь за синими сопками, среди бѣлой лѣтней ночи заалѣла красная полоса, зарумянились облака, подернулись пурпуромъ и показался златокудрый, сверкающій лучами фебъ изъ-за уральскихъ сопокъ.

— Какъ хорошо восходъ солнца на Уралѣ! — повторялъ уралецъ, а наши глаза все болѣе слипались подъ качкою вагона.

Несомнѣнно, Уралъ полонъ своеобразной поэзіи, не мудрено полюбить его и хорошо чувствуется на немъ уральцу, сдумавшему изучить, узнать его и видѣть его прелести. Мы вспомнили яркія картины Урала, наикданныя Д. Н. Маминимъ въ его очеркахъ Урала, это приволье лѣсовъ, эти сопки съ ихъ таинственными богатствами, эти золотоносныя рѣчки, рудники и заводы, пріютившіеся въ долинахъ около свѣтлыхъ прудовъ, темныя зданія съ своими куполообразными крышами, большими трубами и горнами, около которыхъ копошатся тысячи гномовъ—горнозаводскихъ рабочихъ, красавицу Чусовую съ ея расшивами и барками, пристани, кипучую жизнь промышленнаго люда, его варницы, наконецъ лѣсную жизнь его, съ отважными охотниками и смѣлымъ бодрымъ населеніемъ. Мы понимаемъ этотъ патріотизмъ, эту любовь къ своей мѣстности, понимаемъ и любовь уральца къ Уралу. Ему невольно видится и воскресаетъ передъ нимъ цѣлая исторія его окраины. Но исторія Урала сдѣлается близко, родственна и нашей исторіи. Первые шаги на Уралѣ были первыми шагами и въ Сибирь. Промышленные люди Строгановы, забравшіеся въ эти лѣса и поставившіе свои заводы и варницы, напоминаютъ Демидова. Рудныя богатства Урала—первая эпопея Зауралья. Колонизація Урала и сборища на немъ бѣлыхъ и гулящихъ людей—прототипъ той же колонизаціи Сибири, финскія племена, встрѣченныя на Уралѣ и въ Пермской губерніи, тѣ же что и въ Сибири. Ермакъ, красующійся въ бронзовой статуѣ на пермскомъ вокзалѣ, первый геркулесовскій подвигъ совершаетъ на Уралѣ и при переходѣ по Уралу. Ермаковъ камень, Ермачки, Ермакова дорога—все напоминаетъ намъ героическую эпоху, близкую и намъ. Здѣсь столкнулись Европа и Азія, здѣсь европейскій витязь, закованный въ конуру, увидѣлъ впервые Азію, задернутую дотолѣ фатой, заглянулъ въ лице ея и пошелъ за Уралъ, чтобы сдѣлать ее „полоноянкой“. Мы припомнимъ этотъ моментъ и картину покойнаго художника иркутянина Пескова съ его Ермакомъ. Эта исторія Урала, его преданія, героическая эпоха и историческія лица когда нибудь вызовутъ и уральца, и сибиряка на вдохновеніе.

— Кто бы думалъ,—говорилъ намъ уралецъ-патріотъ:—кто бы думалъ нѣсколько лѣтъ назадъ, что и здѣсь пройдетъ желѣзная дорога, что и здѣсь засвиститъ локомотивъ! Уралецъ припоминалъ, когда его пустынные дѣвственные лѣса и не грезили объ этомъ гостѣ и желѣзная дорога была отдаленнымъ предсказаніемъ и мечтою. Однако, эта мечта сбылась,—такъ бываетъ со всякой мечтою. И я понималъ чувства уральца, его гордость, его самодовольство, когда онъ, развалился на мягкомъ диванѣ, любовался картиной своего края изъ окна вагона. Дай Богъ, чтобы это орудіе цивилизаціи послужило только въ пользу Урала, чтобы рядомъ съ роскошью и комфортомъ оно не пришлось дорого и горько бѣдному рабочему люду, захолустному жителю, заводскому гному; дай Богъ, чтобы получилъ тѣ же блага и удобства и тотъ, кто ковалъ рельсъ на эту дорогу, чтобы и ему пришлось спокойно и тепло сидѣть въ вагонѣ, какъ сидимъ теперь мы. Пусть восходящее изъ-за горизонта солнце яркимъ свѣтомъ освѣтитъ и обогрѣетъ прекрасный и заглохшій Уралъ. Привѣтъ тебѣ, счастье, довольство, добрый сонъ нашъ!

Н. Я.

ХРОНИКА НАУЧНЫХЪ ИСЛѢДОВАНІЙ ВЪ СИБИРИ И НА АЗИАТСКОМЪ ВОСТОКѢ.

Геологическія изслѣдованія. Горный инженеръ Л. А. Ячевскій сообщилъ восточно-сибирскому Отдѣлу Императорскаго русскаго географическаго Общества о геологическихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ въ концѣ лѣта 1885 года въ NW части Канскаго округа по рѣкамъ Усолки и Тасѣевой. Референтъ, по словамъ «Сибири», указалъ прежде всего на тѣ вопросы, какіе слѣдовало рѣшить наблюдателю, именно: основательно ли заключеніе Гофмана, что соленосныя пласты Троицкаго завода залегаютъ надъ юрскимъ песчаникомъ и къ какой геологической эпохѣ слѣдуетъ отнести эти пласты.

Г. Ячевскій описалъ конфигураціонный характеръ мѣстности, ея климатъ, скавалъ нѣсколько словъ о земледѣліи по пригодности рѣкъ Усолки и Тасѣевой для судоходства и затѣмъ сдѣлалъ историческій обзоръ литературы, касающейся посѣщенной мѣстности. Объ этой мѣстности первыя указанія имѣются у Гмелина (1737—1740 г.), затѣмъ у Сушкова, академика Гела и Эрмана. Много важныхъ подробностей находимъ у Гофмана и, наконецъ, нѣкоторыя свѣдѣнія у Чекановскаго и академика Шмидта.

Вторую часть сообщенія занимало описаніе географическихъ маршрутовъ. Приводимъ ихъ въ самомъ сжатомъ видѣ. Въ верховьяхъ Усолки выступаютъ красныя плотныя песчаники, тутъ же должны выступать красныя, плотныя глины, обломки ихъ падаются на дорогѣ. Не доѣзжая Христорождественскаго селенія, эти красныя породы смѣняются юрскимъ песчаникомъ, распространяющимся на значительномъ пространствѣ. Только вблизи Троицкаго завода появляются опять красноцвѣтныя породы и продолжаютъ съ незначительными перерывами до устья Усолки въ Тасѣевую. Нижнее теченіе Тасѣевой пролегаетъ среди метаморфическихъ породъ. Верхняя же часть ея теченія отъ впаденія Усолки до начала рѣчки, т. е. до слиянія Оны и Чуны, обнажаетъ слѣдующія породы: сначала по нѣсколько верстъ тянутся выходы известняка, сильно кремнистаго, плотнаго, затѣмъ берега рѣчки становятся низменными и только въ 15 верстахъ отъ впаденія Усолки въ Тасѣевую, въ такъ называемой Красной горѣ, появляются многочисленные слои краснаго песчаника, перемежающагося съ слоями пестрыхъ глинъ. Этотъ песчаникъ налегаетъ на плотныя красныя глины и покрывается сѣрымъ юрскимъ песчаникомъ. На разстояніи приблизительно двухъ верстъ обнаженія не видно, и затѣмъ до вершины простирается область диабазы. Въ этой части рѣчки имѣются шивера и Дураковъ порогъ.

Въ заключительной части референтъ указалъ на несогласіе взглядовъ Чекановскаго и Черскаго на взаимное отношеніе красноцвѣтныхъ породъ и песчаниковъ юрскаго возраста.

Собранныя имъ факты подтверждаютъ взглядъ Черскаго, что песчаники покрываютъ красноцвѣтныя породы, и не составляютъ ихъ эквиваленты, какъ это утверждалъ Чекановскій. Переходя къ поставленнымъ въ началѣ вопросамъ, г. Ячевскій привелъ много данныхъ, доказывающихъ ошибочность взгляда Гофмана, и установилъ фактъ, что соленосныя пласты Троицкаго завода залегаютъ подъ юрскимъ песчаникомъ и совершенно аналогичны пластамъ усольскимъ, усть-кутскимъ, туманшетскимъ. Что же касается вопроса о возрастѣ тѣхъ пластовъ, то референту не посчастливилось найти въ нихъ удовлетворительно сохранныхъ остатковъ органической жизни, и поэтому вопросъ этотъ онъ оставилъ открытымъ.

Этнографическія изслѣдованія. Въ засѣданіи западно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества, происходившемъ 29-го мая, дѣйствительный членъ Отдѣла М. А. Шестаковъ прочелъ отрывки изъ своей памятной книжки, веденной во время поѣздки, зимою текущаго года, въ Омскій уѣздъ, для изученія быта киргизовъ. Поѣздка продолжалась мѣсяцъ, причемъ г. Шестаковъ объѣхалъ 24 аула, произвелъ антропологическія (безъинструментальныя) изслѣдованія надъ 125 субъектами и собралъ статистическія и экономическія свѣдѣнія о пятидесяти юртахъ, преимущественно средняго и бѣднаго состоянія. Кромѣ того, какъ передаютъ «Акмола. Обл. Вѣд.»,

докладчикъ собралъ довольно богатый матеріалъ по народной медицинѣ, народнымъ нравамъ и обычаямъ, и записалъ много поговорокъ, пословицъ и изреченій, а также немало пѣсенъ, сказокъ, преданій, легендъ и пр.

М. А. Шестаковъ возражаетъ противъ существующаго въ печати мнѣнія о томъ, что киргизы имѣютъ самобытное представленіе о Богѣ, не затемненное магометанскимъ вѣроученіемъ, и говоритъ, что киргизы считаютъ себя магометанами—суннитами, по они не фанатики, и большинство исполняетъ только нѣкоторые обряды (молитвы, посты). Прежніе, татарскіе муллы, хотя старались сдѣлать киргизовъ фанатиками, по своєю жизни, несогласною съ проповѣдываемымъ ученіемъ, уронили себя во мнѣніи народа, и теперь, съ развитіемъ грамотности, почти всѣ муллы—изъ природныхъ киргизовъ. Муллы уважаются по уму, родопроисхожденію и строгости соблюденія коренныхъ обычаевъ. Киргизы начали сознавать пользу грамотности, и теперь почти нѣтъ аула, въ которомъ бы не учили дѣтей. Учителями состоятъ или муллы, или другіе грамотные киргизы. Кромѣ грамоты, они обучаютъ и основнымъ понятіямъ магометанскаго ученія по корану, толкуемому ими согласно съ понятіями и обычаями народа. Рядомъ съ исламомъ у киргизовъ живутъ остатки шаманства, съ своими представителями—баксами. Бакса—особый видъ кудесниковъ-шамановъ, которые шаманятъ во всякое время, не пляшутъ, бубна не имѣютъ, а настраиваютъ свое вдохновеніе игрою на инструментѣ, называемомъ кобызь, черномъ отъ дыма, потому что онъ наследственный отъ дѣдовъ, какъ и самая профессія баксы. Баксы лѣчатъ больныхъ заклинаніями, и наиболѣе неустовые изъ нихъ, по мнѣнію толпы, считаются и наиболѣе дѣйствительными. Кромѣ баксовъ, у киргизовъ есть еще дуана. Дуана постоянно ходитъ въ лебединой шалкѣ, и шея лебеда виситъ у него сзади вмѣсто хвоста, а голова лебеда составлена изъ коралловъ, каура или змѣиныхъ головокъ. Дуана никого не лѣчитъ и самъ ничего не проситъ, а если и даютъ ему, то какъ милостыню. Онъ—служитель добраго и духа и его званіе также наследственное. Онъ—врагъ баксы, такъ что дуана и бакса въ одномъ аулѣ не бываютъ. Кромѣ дуана, существуютъ еще святые муллы, которые лѣчатъ сумасшедшихъ. Гаданіе по лопаткѣ животнаго у мѣстныхъ киргизовъ не производится, и мастеровъ этого дѣла нѣтъ. Единственный способъ гаданія у киргизовъ Омскаго уѣзда—бобами.

Далѣе, М. А. Шестаковъ приводитъ въ своихъ запискахъ содержаніе нѣсколькихъ легендъ, а именно: объ искушеніи дьяволомъ, въ образѣ змѣя, первыхъ людей; о землѣ и небѣ (о семи адахъ внутри земли); о семи рядахъ и восьми ряяхъ на небѣ; о пророкѣ Нухѣ и всемірномъ потопѣ и о летучей мыши.

ГУМБУМЪ, МОНАСТЫРЬ ЗОНКАВИСТОВЪ.

(Изъ путешествія по Китаю экспедиціи Г. Н. Потанина)

Гумбумскіе монахи дѣлятся на четыре отдѣла, или ордена: Тенкуръ, Мамба, Чорова и Джютба. Кромѣ этихъ ламъ, есть еще ламы чернорабочіе, они не составляютъ особаго хурала, а распредѣляются по разнымъ отдѣламъ. Первый орденъ, Тенкуры, или гадатели; это—ламы, къ которымъ обращаются за указаніемъ дней счастливыхъ или несчастныхъ, хорошихъ или дурныхъ для начала какого нибудь дѣла. Второй орденъ, Мамба, или медики; они изучаютъ и собираютъ травы, составляютъ лѣкарства и лѣчатъ; третій орденъ Чорова изъ ламъ, изучающихъ писаніе и держащихъ публичные диспуты, самый многочисленный и вліятельный въ Гумбумѣ; четвертый орденъ Джютба состоитъ изъ ламъ, исключительно занимающихся молитвами, созерцаніемъ и чтеніемъ книгъ т а р н и. Это высшій орденъ; въ него не принимаютъ малолѣтнихъ и людей съ какими нибудь физическими недостатками. Члены его обязаны поститься; они должны вставать и начинать молитву до восхода солнца ранѣе другихъ монаховъ; они могутъ ѣсть только однажды въ сутки и притомъ умѣренно; никогда не должны ходить толпой или попарно, но всегда

одинъ за другимъ, и притомъ никогда не оглядываться по сторонамъ. Плащъ свой они носятъ нѣсколько иначе, чѣмъ другіе монахи. Изъ двухъ послѣднихъ орденовъ могутъ являться хубилганы. Переходъ изъ одного отдѣла въ другой возможенъ только въ восходящемъ порядкѣ; изъ высшаго ордена въ низшій переходить не дозволяется.

Маленькій лама впадаетъ на этотъ счетъ въ ересь; онъ увѣряетъ меня, что высшій орденъ не Джютба, а Чорова. „Хорошій Чорова,—восторженно говоритъ онъ,—сидя въ Гумбумѣ можетъ представить себѣ весь міръ, и Сумберъ-Олу, и всѣ другія горы и рѣки“!

Когда я въ доказательство превосходства Джютбы указывала ему на то, что туда не принимаютъ малолѣтнихъ, онъ возражалъ мнѣ: „Это потому, что такія дѣти, какъ я, не могутъ вставать по ночамъ на молитву, а Джютба собираются въ хуралъ ночью“.

Понятіе о важномъ значеніи Чорова выработалось въ Гумбумѣ, вѣроятно, потому, что власти преимущественно избираются изъ этого ордена. Притомъ самый маленький лама ордена Чорова садится выше, чѣмъ старый изъ простыхъ ламъ.

Здѣшніе монахи всѣ носятъ пунцовое платье совершенно особаго покроя. Внизу бѣлая юбка, сверху красная, придерживающаяся на бедрахъ поясомъ; торсъ прикрывается безрукавымъ камзоломъ, который называется ренкыгъ; руки и шея остаются открытыми. Станъ стягиваетъ широкій кушакъ изъ грубой желтой матеріи. Сверху этого накидывается кусокъ пунцовой матеріи аршинъ въ пять длиной и въ два шириной. Какъ бы сильно холодно ни было, ламы осуждены кутаться въ одно это одѣяло; ни шубы, ни панталонъ монастырскій уставъ имъ не разрѣшаетъ. Богатые имѣютъ свое одѣяніе изъ грубаго сукна, а бѣдняки осуждены мерзнуть въ тонкихъ бумажныхъ тканяхъ. Часто одежда ламъ состоитъ изъ лохмотьевъ и заплатъ. Сшить новую одежду нужно много денегъ, а онѣ не всегда водятся у ламъ.

Нагота рукъ и шеи ламъ не бросается въ глаза, такъ какъ цвѣтъ тѣла подъ вліяніемъ воздуха и толстаго слоя грязи, обыкновенно покрывающей руки простыхъ ламъ, совершенно измѣнили ихъ цвѣтъ.

Идя въ хуралъ къ богослуженію, ламы надѣваютъ желтую мантию и желтую же шалку въ видѣ фригійскаго колпака. Къ поясу въ такихъ случаяхъ всегда подвѣшивается карманъ, въ которомъ виситъ сосудъ съ святой водой, это необходимая часть костюма при богослуженіи.

Многіе путешественники высказываютъ мнѣніе, что ламы—лѣнныя дармоѣды, живущіе на счетъ работающихъ членовъ общества. Едва ли это справедливо въ общемъ. Сколько мы видимъ ламъ въ здѣшнихъ монастыряхъ, это все народъ—работящій и ремесленный. Въ монастыряхъ, кромѣ художниковъ, занятыхъ изготовленіемъ рисованныхъ и лѣнныхъ работъ, есть также столяры, портные, сапожники, работающіе на заказъ. Изъ нихъ одни лишь особенно искусные художники живутъ безбѣдно, остальные едва, едва имѣютъ приличное платье и живутъ, большею частью, впроголодь. Богатые ламы, правда, занимаются часто торговлей, это, повидимому, не считается предосудительнымъ, но для этого надо имѣть капиталъ. Въ Гумбумѣ отъ монастыря выдается рядовому ламѣ лишь 12 шеновъ въ годъ ячменя, принадлежащимъ къ какому нибудь ордену 15 шеновъ, но этого не достаётъ на годъ. Между тѣмъ, кромѣ дзамбы, которая готовится изъ ячменя, надобно имѣть чай и хотя изрѣдка мяо и другую приправу къ ѣдѣ, не говоря уже о платьѣ, которое лама тоже обязанъ сдѣлать на свой счетъ.

Деньги, жертвуемыя въ монастырь, въ большинствѣ случаевъ идутъ на монастырскія постройки и на пополненіе ихъ храмовъ статуями и священными сосудами. Ламамъ раздаютъ деньги лишь въ томъ случаѣ, когда жертвователю прямо даетъ свое пожертвованіе въ пользу ламъ. Да и тогда дѣленіе производится неровно: старшіе получаютъ двѣ, три доли, а младшіе одну.

А между тѣмъ, мнѣ кажется, сословіе ламъ не лишено

культурнаго значенія. Грамотность сохраняется въ монастыряхъ, тамъ книги печатаются, списываются и переписываются ламами; ими же передаются изустныя легенды и рассказы мориализующаго свойства.

Паломничество, знакомя ламъ съ разными странами и обычаями разныхъ народовъ, расширяетъ ихъ кругозоръ. Лама-паломникъ вмѣстѣ съ разсказами о разныхъ чудесахъ и святыхъ, видѣнныхъ имъ, знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ географіей и этнографіей тѣхъ странъ, которыя довелось ему посѣтить. Въ Халхѣ воспитаніе молодаго поколѣнія главнымъ образомъ въ рукахъ ламъ. Зажиточные монголы берутъ въ домъ ламу, чтобы обучить своихъ дѣтей грамотѣ, иногда отдаютъ мальчиковъ въ монастыри. Конечно, жаль, что ламы мало изучаютъ родную монгольскую литературу; книги, пользующіяся уваженіемъ ламъ, написаны на книжномъ тибетскомъ языкѣ, но здѣсь въ тангутскихъ монастыряхъ эта разорванность ученія отъ жизни не такъ велика. Религіозныя или ученныя состязанія идутъ въ монастыряхъ на языкѣ разговорномъ—монгольскомъ или тангутскомъ; чамы, или религіозныя пляски, хотя обыкновенно бывають лишь чисто мимическими представленіями, безъ рѣчей, сопровождаются обыкновенно изустными комментаріями присутствующихъ и потому не пропадаютъ безслѣдно для поученія зрителей.

Въ половинѣ февраля новаго стиля здѣсь праздновали новый годъ, но въ Гумбумѣ болѣе празднуется послѣдній день этого праздника—15-е число перваго мѣсяца. За день до Новаго года (т. е. до 1 числа 1-й луны) былъ чамъ, т. е. религіозныя пляски и сожженіе соровъ. Изъ каждаго отдѣла, или ордена, изъ которыхъ состоитъ Гумбумское монашество, изъ храма выносили особымъ образомъ испеченный хлѣбъ, положенный на подносе, убранный разными украшеніями, между которыми непременно должно было быть изображеніе мертвой головы; иногда эти украшенія составляли пирамиду въ сажень высотой,—ламы сопровождали соры съ музыкой, подъ балдахинами съ знаменами; всѣ соры собрались на площади, гдѣ былъ приготовленъ соломенный костеръ. Здѣсь среди огромной толпы народа начались пляски ламъ въ маскахъ; затѣмъ маски разрубили соры и бросили въ огонь. Мы смотрѣли на это съ кровли дома одного изъ ламъ, такъ что толпа не безпокоила насъ. Къ 15 числу Гумбумъ наполнился богомольцами, въ каждомъ дворѣ были пріѣзжіе родственники и знакомые ламъ; 13 числа былъ опять большой чамъ, внутри двора самаго большаго храма. Зрители сидѣли на лѣстницахъ, ведущихъ въ зданія, окружающія дворъ со всѣхъ сторонъ, и на дворѣ по краямъ, а также на кровляхъ, гдѣ можно; хамбу-лама, т. е. настоятель Гумбума, сидѣлъ противъ храма на галлерей противоположнаго зданія, на высокоомъ креслѣ, въ парчевыхъ облаченіяхъ; это былъ гегенъ (по имени Джая-гегенъ), еще молодой человекъ, лѣтъ 26, все время, казалось, онъ былъ неподвиженъ какъ статуя. Маски, выходя парама изъ храма, медленно съ пляской подвигались къ нему и дѣлали поклоны; затѣмъ двигались дальше, также медленно описывая кругъ. Пляшущіе ламы всѣ были въ уродливыхъ маскахъ, двѣ были съ головами быковъ, двѣ съ оленьими и еще четверо мальчиковъ съ оленьими головами и четверо мальчиковъ съ мертвыми головами, у послѣднихъ съ обѣихъ сторонъ головы придѣланы были лопасти, должно быть, изображающія крылья бабочки; маски эти такъ и называются бабочки, эрбекъ; помонгольски скорѣе онѣ должны быть названы скелетами, пальцы у нихъ были удлинены, на груди раздѣланы ребра, не говоря уже про мертвую голову. Главная маска представляла быка съ огромными фигурными рогами. Это ботъ Чойчжилъ. Были также и двѣ комическія маски съ человѣческими, но каррикатурными лицами; онѣ забавляли публику, въ то же время раздвигая толпу, стѣсняющую арену, ихъ роль была служебная: онѣ выносили коверъ, кресла, имя ихъ азирга. Между прочимъ, онѣ подъ руки вывели изъ храма маску, представляющую дряхлаго старика съ огромной лысой головой, за полы его халата держались четверо маленькихъ дѣтей съ пучками волосъ на вискахъ бритой головы, какъ это мы обыкновенно видимъ на китайскихъ ри-

сункахъ. Старика усадили въ кресло, около него расположились дѣти, семья эта возбуждала смѣхъ въ окружающей публикѣ; замѣчательно имя этого старика. Его называли Капинъ-Ханъ помонгольски и Капинъ-Джаву или Гомбу тангутски. Джаву—то же что ханъ, Гомбу равносильно монгольскому нойонъ, или князь. Капинъ нѣкогда въ монгольскомъ языкѣ значило тангутъ, такъ что въ переводѣ это будетъ тангутскій ханъ; но названіе это, встрѣчающееся только въ книгахъ, уже неизвѣстно въ народѣ. Эта же фигура въ чамѣ встрѣчается въ Ордосѣ; въ Хами, кажется, ея нѣтъ. Одежды на маскированныхъ были богаты, шелковые сапоги—не обыкновенныя здѣшнія, а мягкіе бѣлые; плясали стройно, хотя и медленно и не всегда удачно, благодаря тому, что дворъ былъ высланъ булыжникомъ. Фигуры маленькихъ оленей совершенно подражали въ своихъ движеніяхъ шаманамъ и, ставши на колѣни передъ хамбу-ламой, они, я думаю, съ полчаса не переставая, размахивали своими вѣтвистыми головами, точно также какъ это дѣлають шаманы. Послѣ этой пляски они разрубили на части какую-то фигуру, заранѣе положенную на коврѣ среди двора; фигуру эту называютъ лянга, или лянкай.

Ламы занимали галерею, противоположную храму; они сидѣли на коврикахъ по обѣ стороны хамбу-ламы; непомѣстившіеся на галерею сидѣли на дворѣ внизу, передъ почетными лицами стояли столики съ лакомствами; на кровлѣ надъ ними и на паперти храма помѣщались музыканты съ трубами и съ мѣдными тарелками. Правое крыло двора, считая отъ хамбу-ламы, тоже было занято въ центрѣ кресломъ другаго важнаго гумбумскаго гегена (Аджа-гегена), юноши лѣтъ 16, и окружающими его ламами, а ниже и по сторонамъ публикой. Намъ тоже были поставлены скамьи на этой сторонѣ и ставились столики съ лакомствами; но, такъ какъ было очень тѣсно, то столы убрали, и у самыхъ нашихъ ногъ на лѣстницѣ усѣлись тангуты, тангутки, монголы и монголки; верхніе ряды блистали своими шелковыми шубами и богатыми шапками; внизу публика была попроще, въ нагольныхъ шубахъ. Отъ времени до времени Гецгуй, полицеймейстеръ Гумбума, какъ мы его называемъ, высокий лама-тангутъ, вооруженный огромнымъ жезломъ (четырегранной палкой), украшенной позолотой и лентами, раздвигалъ тѣснившуюся публику. Изъ-подъ его аркимджи, суконною по положенію, выглядывала парчевая дорогая безрукавка; за нимъ въ качествѣ помощниковъ ту же исторію продѣлывали и другія власти Гумбума. Эти власти въ Гумбумѣ выборныя, онѣ завѣдуютъ полицейскими и хозяйственными дѣлами, избираются на три года и утверждаются хамбу-ламой. Хамбу-лама, вѣдающій дѣла духовныя, также избирается на три года, но выборъ ограниченъ: можно избирать лишь гегеновъ, да и то не всѣхъ, а болѣе важныхъ и извѣстнаго возраста. Своего преемника, избраннаго монашествомъ, утверждаетъ также хамбу-лама. Говорять, что многіе отказываются отъ этой чести, такъ какъ надо быть богатымъ, чтобы съ честью держаться на этомъ посту.

15 числа въ Гумбумѣ былъ большой съѣздъ изъ окрестностей и изъ южной Монголіи: въ этотъ день вечеромъ по закатѣ солнца бываетъ выставка масляныхъ барельефовъ, извѣстныхъ у тангутовъ подъ именемъ Чоба, а у монголовъ Чечекъ, „двѣтокъ“. Съ утра въ монастырѣ началось оживленіе, а около него устроилась ярмарка—купцы раскинули по степи палатки или разостлали циновки и разложились съ товаромъ. Изъ Снина пріѣхалъ шотландецъ, продающій св. писаніе на языкахъ китайскомъ, тангутскомъ и монгольскомъ, членъ китайской внутренней миссіи. Былъ торгующій сартъ изъ Хами; китайскихъ купцовъ и уже не считаю. Разноплеменная толпа безпрестанно бродила изъ китайской слободы въ монастырь и обратно вдоль узкой улицы, образовавшейся изъ торговыхъ палатокъ.

Когда совсѣмъ стемнѣло, за нами прислали ламъ съ фонарями и повели смотрѣть Чоба. Нашъ Санданджимба сказалъ, что надо взять съ собой денегъ. Около главнаго храма стояла толпа и любовалась на огромныя щиты, ярко освѣ-

ценные; щиты эти состояли изъ черныхъ досокъ, на которыхъ очень искусно въ китайскомъ вкусѣ были вылѣплены изъ сала или масла фигуры и рисунки. Первый щитъ представлялъ треугольникъ сажени въ четыре высотой; центральное мѣсто занимала фигура Далай-ламы, красиваго, молодаго человѣка, благодушно улыбающагося; въ одной рукѣ у него былъ цѣпъ, другая какъ бы благословляла; корона и богатая одежды были тѣ же, что на бурханахъ; его сапогъ поддерживали маленькіе китайскіе амурь; на рамѣ, окружающей фигуру ламы, были барельефомъ представлены сцены изъ жизни боговъ; вершина треугольника составлена изъ 18-ти медальоновъ; въ каждомъ былъ одинъ изъ Боддисата. Этотъ главный щитъ окружали занавѣсы, на которыхъ представлены были цѣлые ряды конныхъ фигуръ, вся эта картина называлась царь Дорджитана (т. е. царь Индіи), и на занавѣсахъ, должно быть, изображены были его войска. Занавѣсы были подняты такъ, что толпа могла ходить, не задѣвая за нихъ головами. Передъ щитомъ была лѣстница, уставленная рядами масляныхъ лампочекъ, верхъ освѣщался фонарями. Послѣ осмотра этого барельефа, насъ повели въ палатку тутъ же на улицѣ и предложили чаю; кромѣ насъ, въ ней никого не было, но на полу передъ главнымъ сѣннемъ лежало нѣсколько связокъ чоховъ, положенныхъ какимъ-то нашимъ предшественникомъ; тутъ же и мы положили свои чохи. Отсюда пошли дальше, налѣво огибая зданіе большаго храма; здѣсь былъ цѣлый рядъ небольшихъ щитовъ, выставленныхъ разными отдѣленіями монаховъ; у всѣхъ, у нихъ былъ общій характеръ, но фигуры были уже другія, также какъ и окружающія ихъ сцены. На одномъ или двухъ щитахъ мелкія фигуры двигались, приводимыя въ движеніе не хитрымъ механизмомъ, что, конечно, доставляло большое удовольствіе невзыскательной публикѣ. Всѣхъ щитовъ было

пятнадцать, они со всѣхъ сторонъ окружали храмъ, между ними былъ еще одинъ большой, принадлежащій тангутской партіи монаховъ, впрочемъ главнымъ художникомъ въ этой работѣ былъ сѣверный монголъ, живущій на нашемъ дворѣ; щитъ, съ котораго мы начали наше описаніе Чоба, принадлежалъ монгольской партіи, и художники въ немъ были исключительно шаронголь-монголы. Благодаря мягкому матеріалу и нѣкоторой свободѣ относительно замысла фигуры, эти обладаютъ большей живостью, чѣмъ другія буддійскія скульптурныя работы. Каждый годъ въ Гамбумѣ бываетъ такая выставка лѣпнаго искусства, картины каждый годъ мѣняются, на нихъ обыкновенно изображаются сцены изъ религиозныхъ легендъ, содержаніе нѣкоторыхъ, повидимому, нигдѣ не записано, а живутъ онѣ въ памяти художниковъ и передаются въ народѣ изустно. До полночи толпа ходила по Гумбуму; затѣмъ огни были погашены, щиты сняли, масло съ досокъ соскоблили и сложили въ одно мѣсто, доски въ другое и въ нѣсколько часовъ уничтожили работу цѣлыхъ мѣсяцевъ, работу нѣсколькихъ десятковъ художниковъ. Вѣрующіе буддисты покупаютъ это масло, считая его цѣлебнымъ.

Всѣхъ праздниковъ въ Гумбумѣ пять: 1) въ первой лунѣ 14-го числа чамъ, 15-го выше нами описанная Чоба; 2) въ четвертой лунѣ 14-го числа чамъ, 15-го выносятся изъ „Золотаго храма“ огромную икону съ изображеніемъ божества Томбы, Цзонкавы и Чаг्रेसи и разстилаютъ на горѣ по земной поверхности; 3) въ шестой лунѣ 6-го числа чамъ; 4) въ девятой лунѣ 22-го числа выставка клейнодовъ, подаренныхъ императоромъ сѣделъ и пр.; 24-го числа той же луны чамъ; 5) въ двѣнадцатой лунѣ 29-го числа чамъ, описанный нами выше.

А. Потанина.

СКАЗКА О ТОМЪ, КАКЪ ЛАБАГАНЦЫ ПРИНЯЛИ ВОЛКА ЗА ОВЕЧКУ.

I.

Лабаганскъ въ волненіи. Хохландія подарила его новымъ воеводой. Еще задолго до появленія на нашемъ горизонтѣ, стоустая молва уже укрѣпила за ожидавшимся начальникомъ репутацію безсребренника, Аристиды по безкорыстію. Всѣ дивились чуду, чуду чудному на Сибирской землѣ, тѣмъ не менѣ слѣпо вѣрили въ то, что факты не заставятъ себя долго ждать и навѣрное пристыдятъ и тѣхъ немногихъ скептиковъ, которые находились еще въ средѣ мирныхъ лабаганцевъ. Наши пессимисты твердили: „Знаемъ мы пріѣзжихъ цивилизаторовъ. Не первый онъ и не послѣдній. Новая метла всегда хорошо мететъ. Обживется—объѣздится. Скажите на милость: кто на скромное воеводское жалованье польстится изъ Россіи, разъ не имѣется въ виду иного прочаго? Какая радость забиваться въ нашъ медвѣжій уголь человѣку свѣжему? Высшія цѣли влекутъ его сюда, скажете вы? Какъ бы не такъ! Вѣдь воеводы лѣнятся не изъ той глины, изъ которой рождаются люди съ такими стремленіями.“ Мы перестали съ ними спорить, предоставивъ самимъ событіямъ сдѣлать то, чего не могли сдѣлать слова.

II.

Въ концѣ февраля разнеслась вѣсть, что въ ночь совершилъ въѣздъ въ нашъ городъ новый начальникъ воеводства. Обыватели забѣгали изъ дома въ домъ, разнося это извѣстіе. Всѣ находились въ состояніи напряженнаго ожиданія.

Въ первый же день воевода объявился, посѣтивъ приказъ.

Началось представленіе подчиненныхъ. Статейные списки замѣняли формуляры... По мѣткому замѣчанію лабаганскаго остряка, въ приказъ былъ перенесенъ острогъ. Все поселенцы, поселенцы и поселенцы. Всѣ стояли съ подобострастно-умильными фізіономіями. Воевода началъ слово.

„Я, господа, много наслышанъ о васъ и порядкахъ, свившихъ себѣ гнѣздо здѣсь. Я не Колючинъ, прежній вашъ сатрапъ. Что было, то прошло и быльемъ поросло, и въ мое воеводство не повторится больше. Въ Ушаковскѣ я слышалъ о такихъ дѣлахъ, отъ которыхъ дыбомъ волосы становятся. При мнѣ—аминь, этому не бывать больше. Начальство, газеты, всѣ твердятъ о взяткахъ, взяткахъ да взяткахъ. Предваряю: я самъ ихъ брать не буду и никому изъ васъ не позволю, а только что пронюхаю,—подъ судъ!“ (Онъ сдѣлалъ паузу. У слушателей лица вытянулись и они стояли въ унылыхъ позахъ). „Продолжаю, господа. Жалованья будете получать столько, сколько полагается по казенному окладу. (Въ толпѣ раздался вздохъ). Давать же столько, сколько получали вы раньше, не могу, если бы даже хотѣлъ. Своихъ денегъ нѣтъ... (здѣсь воевода запнулся, пожевалъ губами, вздохнулъ и продолжалъ), а про „окладные“ сборы вѣлно забыть... Таковъ завѣтъ свыше. Самъ буду на казенное жалованье жить и вамъ приказываю... Меня спрашивали въ Ушаковскѣ, привыкъ ли я обѣдять съ шампанею. Я понялъ, куда мѣтять... Ваше—ство, говорю, не потаюсь: въ именинные дни привыкъ я видѣть на столѣ жирную кулебяку и бутылку Ланинскаго, по буднямъ же довольствуюсь малымъ. Господа, я умѣренъ и скромень... Я не задумываюсь ограничить свой столъ картофелемъ и лукомъ, разъ вижу, что иная снѣдь несообразна съ моимъ скромнымъ воеводскимъ окладомъ“.

Онъ сдѣлалъ ручкой и величественно удалился.

III.

Рѣчь эта съ быстротою телеграфа разнеслась по Лабаганску и вызвала самыя разнорѣчивыя толки. Если одни видѣли въ ней программу, дававшую основаніе успокоиться за свои животинки, то другіе думали совсѣмъ наоборотъ.

„Помянете наше слово, —каркали они:— что будетъ хуже прежняго. Хороните свои кубышки, а то до нихъ скоро доберутся. Охъ, хитрый онъ! Тихоня опаснѣе, такъ какъ его не бережешься“.

Почтенные члены приказа твердили: „Такъ жить нельзя. Чортъ бы его побралъ! Что „онъ“ насъ морочить? Самъ, видно, все хочетъ слопать. Нѣтъ, шалишь! Ты нами крѣпокъ, безъ насъ не обойдешься. Попробуй!“... Въ толкахъ и пересудахъ прошла недѣля.

Въ одно прекрасное мартовское утро едва успѣлъ воевода занять свое кресло въ приказѣ, какъ подають ему сложенный листъ бумаги. По мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ чтеніе, лицо его болѣе и болѣе искажалось гнѣвомъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и прохрипѣлъ: „Бунтъ, стачка. „монополія“ (?). Я... васъ!“... Воеводы нельзя было узнать: багровый, съ блуждающимъ взоромъ, онъ былъ и грозенъ, и жалокъ. Можно было опасаться за то, что вотъ-вотъ хватить его ударъ. Но все кончилось благополучно. Оправившись, воевода, никому не сказавъ ни слова, оставилъ приказъ, задумчивый и грустный.

IV.

Что же заключалъ въ себѣ злополучный листъ? Тамъ было начертано слѣдующее:

„Буде, ваше-скородіе, не найдете возможнымъ оставить за нами присвоенныхъ со временъ вашихъ предшественниковъ привиллегій, мы сочтемъ себя въ печальной необходимости оставить насиченныя мѣста, о чемъ и предваряемъ васъ. Если же положеніе вещей не измѣнится противъ прежняго, то мы съ удвоеннымъ рвеніемъ примемъ за работу и будемъ всѣми силами способствовать вашему-скородию на пути къ обновленію всего, что найдете того заслуживающимъ въ подвластной вамъ территоріи“.

За симъ слѣдовали подписи, начиная съ фамилии столоначальника и кончая скромнымъ именемъ послѣдняго регистратора...

V.

Однако, „бумага“ возымѣла свое дѣйствіе. Черезъ нѣсколько дней было сказано: „подумаю“.

Приказные возликовали, а въ обывателѣ, какъ мы видѣли, столь оптимистически настроенномъ, закралось зерно сомнѣнія. Впрочемъ, набѣжавшее облако вскорѣ разсѣялось. Всѣмъ имъ помнился тотъ отзывъ, который еще наканунѣ былъ высказанъ воеводой о Колючкинѣ, а такъ какъ въ оцѣнкѣ послѣдняго всѣ теперь сходились, называя его прохвостомъ, то мудрые лабаганцы и успокоились. Они разсуждали такъ: „Колючкинъ подлець; новый воевода съ нимъ не якшается; заключеніе первое: стало быть и онъ его за такового почитаетъ; заключеніе второе: а потому онъ, т. е. новый воевода, на Колючкина не похожъ“. Пессимисты наши, любящіе всегда и во всемъ быть въ оппозиціи, ехидничали надъ этимъ силлогизмомъ, называя его „рогатымъ“, но, на сколько они правы, для каждаго безпристрастнаго читателя очевидно.

VI.

Но кто же такой Колючкинъ? Скажу о немъ два слова мимоходомъ.

Колючкинъ воеводствовалъ 4 года въ Лабаганской сатрапіи, но однажды поперхнулся и долженъ былъ покинуть свой высокій постъ. По инициативѣ кабатчиковъ, волостныхъ писарей и чиновъ приказа, ему былъ устроенъ фестиваль, на которомъ шампанское лилось рѣкой и лабаганскія сливки общества плясали и веселились до истощенія силъ, до обморока. Объ этомъ празднествѣ, для котораго экстренно гонялись обывательскія лошади, то въ Александринскій заводъ за свѣжими огурцами, редиской и салатомъ, то въ Черемухово за музыкой, живо помнятъ всѣ. Положимъ, не каждому былъ свободный доступъ въ залъ, горѣвшій тысячами огней, за то толпы любопытныхъ обывателей любовались въ раскрытыя окна, какъ десятки паръ, разряженныхъ по бальному, носились въ вихрѣ бѣшенаго вальса, подъ чарующіе звуки пресловутаго

черемуховскаго оркестра. Въ воздухѣ слышались возгласы: „не уѣзжай, голубчикъ мой“.

Меню ужина превзошло самыя смѣлыя ожиданія. Аппетитъ нѣкоторыхъ субъектовъ такъ разыгрался, что они проглотили даже тѣ остатки, которые предназначались на благотворительную цѣль. Проглотили и не поперхнулись! Одушевленіе, охватившее всѣхъ, не поддается описанію. Солнце стояло высоко надъ горизонтомъ, когда растроганнаго до слезъ виновика торжества бережно снесли на рукахъ въ его акипажъ.

VII.

Давно ли это было? Меньше года назадъ, а между тѣмъ, какъ все перемѣнилось вокругъ. Изъ грустной исторіи многостраднаго Колючкина, мы имѣемъ новое подтвержденіе той старой истины, что родъ людской не постояненъ, что „старая хлѣбъ-соль забывается, а дружба длится лишь до чернаго дня“! Да! колесо фортуны повернулось и унесло съ собою симпатіи лабаганцевъ. Das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu! Но, быть можетъ, и въ тѣ поры безкорыстной любви не было? Къ этому рѣшенію приходятъ теперь почти всѣ, но раньше страшно возмущались, когда наши пессимисты утверждали, что всѣ эти съ виду платоническія оваціи имѣютъ очень прозаическую, будничную подкладку, что кабатчики не стали бы тратиться, не ожидая отъ того въ будущемъ вѣрныхъ процентовъ... Всѣ вѣрили въ возвращеніе Колючкина.

VIII.

Воеводство, когда принялъ бразды правленія Колючкинъ, только-что пережило тяжелый режимъ Тавридина. Всѣмъ помнится та эпоха. Девизомъ Тавридина было: „бей въ усь и въ рыло“, а потому, когда онъ былъ отправленъ на воеводство въ Кирию, а на его мѣстѣ водворился Колючкинъ, девизомъ котораго служилъ афоризмъ: „лаской да рублемъ“, то на первыхъ порахъ обыватель вздохнулъ свободнѣе и со свойственною оптимисту поспѣшностью поторопился разнести направо и налево, что „теперь де у насъ не жизнь, а масляница“. Въ самомъ дѣлѣ, если прежде постоянно висѣлъ надъ нами Дамокловымъ мечемъ воеводскій кулакъ, то при Колючкинѣ мы были на этотъ счетъ покойны. Мы перестали трепетать за цѣлость своихъ skulls даже въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно чувствовали себя виноватыми. Что за варварство—сейчасъ въ морду! Сперва надо разобрать виноватыхъ, и тогда уже и воздѣйствовать, но неужели кулакомъ? Конечно, нѣтъ. Есть же и другіе способы наказать, дать виновному почувствовать всю глубину его проступка и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть выходъ чувству раскаянія въ формѣ благодарности... того или другаго размѣра. Мы полагаемъ, что послѣдняя система, будучи одновременно и карательной, и исправительной, ближе отвѣчаетъ своему назначенію, чѣмъ система члено-вредительная, и я, кажется, не погрѣшу противъ истины, если стану утверждать, что такъ смотрѣло тогда большинство.

Но какъ мы были наивны въ своемъ ослѣпленіи!

IX.

Прошло четыре года. Картина настроенія большинства измѣнилась. Теперь не было уже слышно сравненій жизни съ масляницей... За это время Колючкинъ опуталъ тонкой сѣтью все воеводство, въ которую улавливался и простоватый карась, и юркая щука. Все было обложено, доходъ приносили воеводѣ и такія статьи, которыя съ перваго взгляда ничего не могли дать. Онъ билъ не кулакомъ, а рублемъ. Въ его воеводство золотой ключикъ отмыкалъ всѣ двери, съ деньгами все было доступно, возможно, осуществимо. Чѣмъ же объяснить то, что Колючкину все съ рукъ сходило, въ чемъ секретъ его силы? Онъ былъ силенъ Упаковскомъ, гдѣ ему были всѣ свои люди. Получая въ опредѣленные сроки дань и монетой, и натурой, городскіе „кумовья“ явно покровительствовали всѣмъ его начинаніямъ по части околначиванія округа, за которымъ укрѣпилось слово

„хлѣбнаго“ и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ. Тѣ же персоны умѣли и покрыть, и выгородить своего протеже въ случаѣ надобности. Воеводство поправило Колючкина, а возлѣ него подкармливалась и цѣлая серія мелкотравчатыхъ „дѣятелей“, о которыхъ справедливо полагалъ Колючкинъ, что они „тоже люди, тоже жрать хотятъ“. Эти мелкія сопки рвали, если не крупными кушами, то съ неменьшимъ остервенѣніемъ, чѣмъ самъ воевода, цинично приговаривая: „съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ“. Такимъ образомъ, къ концу четырехлѣтія, воеводство изнемогало подъ тяжестью поборовъ, обывательская гоньба приняла грандіозные размѣры, писаря назначались и смѣщались по личному усмотрѣнію воеводы, и нигдѣ обыватель не находилъ защиты своимъ поправнымъ правамъ. До Бога высоко, до царя далеко, а челобитныя на „самого“ въ ушаковскихъ инстанціяхъ клались подъ сукно или, что еще хуже, обращались обратно въ Лабаганскъ на усмотрѣніе Колючкина. Этотъ же умѣлъ отплатить ябедникамъ и задать имъ такую острастку, послѣ которой другимъ надолго становилось „неповадно“. Чего, чего только не дѣлалось на виду у всѣхъ! Какихъ только воіюющихъ картинъ не перевидалъ за эти четыре года пониженный Лабаганскъ... Тутъ освобождаются преступники за деньги и тѣмъ избѣгаютъ наказанія согласно сенатскому рѣшенію, тамъ обвиняемый въ убійствѣ, продолжая числиться въ острогѣ, отпускается въ Ушаковскъ за полученіемъ своихъ денегъ изъ банка, долженствовавшихъ перейти въ широкіе карманы Колючкина, какъ мзда за сокрытіе преступленія и плата за свободу и т. д., и т. д., и т. д...

X.

Общество (въ обширномъ смыслѣ слова) было забито. Конечно, жутко приходилось въ тѣ поры только сѣрой массѣ, а никакъ, съ позволенія сказать, не сливкамъ общества. Складчики, писаря, кабатчики и tutti quanti благоденствовали; каждому съ туго набитой мошной жилось прекрасно, времячко было веселое. Можно было предсказать вѣрный успѣхъ всякому задуманному предпріятію, какъ бы оно ни расходилось съ требованіями закона, разъ былъ въ рукахъ „презрѣнный металл“. Жизненные вопросы упростились до пельзы; все сводилось къ тому, хватить ли животовъ, чтобы достаточно ублагоотворить воеводу. Самъ Колючкинъ жилъ открыто: кареты, вечера, общество, балы за балами, вино, музыка... Въ общей вакханаліи никто не хотѣлъ отстать отъ другихъ, ударить лицомъ въ грязь.

Въ разныхъ окрестныхъ хищническихъ гнѣздахъ устраивались рауты, и нерѣдко даже люди, нѣкогда „идеальные“, считали за честь потворствовать этимъ оргіямъ.

Подобное положеніе вещей, повторяемъ, было какъ нельзя болѣе удобно для одного только класса хищниковъ, а потому извѣстная декларация новаго воеводы въ приказѣ, что „теперь взятокъ и окладныхъ—ни-ни“, произвела въ ихъ толпѣ удручающее впечатлѣніе. „Пусть лучше беретъ, да дѣло дѣластъ“,—говорили одни, тогда какъ другіе, болѣе дальновидные, видѣли въ словахъ начальника не новую программу, а старую, но только болѣе строго проведенную. „Какъ не брать-то; возьметъ, только пустяками не захочетъ мараться“. Ошибались ли они?—о томъ впереди.

XI.

Мы остановились на томъ, что лабаганское общество повѣрило тому, что новый воевода не „кость отъ кости“ стараго. Предположеніе это помимо извѣстнаго заявленія воеводы въ приказѣ, которому сгоряча дали вѣру, основывалось еще на слѣдующемъ.

Въ Лабаганскѣ былъ присланъ изъ Ушаковска слѣдственный дьякъ для производства дознанія о разныхъ преступленіяхъ Колючкина. Долго сдерживаемое негодованіе теперь неудержимо прорвалось наружу. Развязались обывательскіе язвы. Полились рассказы о всякихъ мерзостяхъ, учиненныхъ Колючкинымъ, каждый считалъ обязанностью что нибудь прибавить, всѣ изобличали того, передъ которымъ вчера еще такъ

подло низкопоклонничали. Сказанный дьякъ вытребовалъ подудимаго изъ Ушаковска въ Лабаганскъ для очныхъ ставокъ съ другими лицами, а затѣмъ вскорѣ велѣлъ взять его подъ домашній арестъ. Извѣстіе это произвело въ городѣ сенсацію, причемъ съ особеннымъ удовольствіемъ рассказывали о сценѣ, имѣвшей мѣсто въ приказѣ между новымъ воеводой и Колючкинымъ. Когда первымъ было объявлено постановленіе объ арестѣ послѣдняго и Колючкинъ сталъ умолять новаго воеводу о предстательствѣ за него, то получилъ въ отвѣтъ: „ступайте, я вамъ не адвокатъ“... Неужели эти слова не давали достаточно основанія, чтобы обосновать то мудрое заключеніе, какое сдѣлали изъ нихъ лабаганцы, и надъ которыми такъ издѣвались наши пессимисты?!

Лабаганскій обыватель, привыкшій ежедневно встрѣчать на своихъ улицахъ Колючкина, то пѣшкомъ, то en deux въ экипажѣ съ Чертодомовымъ, сталъ о немъ забывать, не видя его больше. Какъ вдругъ пошли слухи о томъ, что подъ покровомъ ночи бѣдный узникъ совершаетъ свои прогулки по безлюднымъ закоулкамъ города. Обыватель не возмущился этимъ открытіемъ и сталъ утверждать, что прогулки эти разрѣшены (конечно, не официально) самимъ воеводой, который по добротѣ сердечной не можетъ отказать арестованному въ моціонѣ, столь необходимомъ при его комплекціи... Нѣкоторое время спустя, уже стали видѣть Колючкина и днемъ катающимся по улицамъ Лабаганска. Далѣе—болѣе, и прежній арестъ сталъ достояніемъ пылкаго воображенія слѣдственнаго дьяка, такъ какъ горожане встрѣчали Колючкина не рѣже, чѣмъ тогда, когда послѣдній пользовался полной свободой. Объ этомъ поговаривали, посмѣивались, труня надъ слѣдственнымъ дьякомъ, который, очевидно, былъ одуроченъ со своими постановленіями. Общество еще не предвидѣло всѣхъ тѣхъ роковыхъ послѣдствій, къ которымъ приведутъ эти съ виду невинныя прогулки. Какъ это случилось, достоверно неизвѣстно, но вотъ фактъ: Колючкинъ, гуляя, завелъ знакомство съ воеводой. Сперва это приписали было доброму сердцу новаго начальника, но, когда отдѣльные визиты стали повторяться чаще и чаще и, наконецъ, опальный Колючкинъ сталъ завсегдатаемъ воеводскаго терема, тогда мы не на шутку обезпокоились...

Тутъ опять выступили наши зоилы: „Мы говорили, мы предсказывали,—твердили они—быть теперь бычку на веревочкѣ“. Мы же презрительно фыркали, хотя чувствовали, что изъ-подъ ногъ у насъ уходила почва, и старались изображать беззаботныя мины, въ душѣ же уповавъ лишь на то, что разъ „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“...

Однако... свинья съѣла!

XII.

Вечеръ. Мѣсто дѣйствія—внутренніе покои воеводскаго терема. Шла душевная бесѣда „старога“ и „новога“. Въ типично раздавался голосъ Колючкина, переходя изъ поучительнаго въ задорно-увлекательный. Новый воевода волновался, затѣмъ млѣлъ и таялъ.

„Дѣло очень просто,—ораторствовалъ „старый“:—съ перваго дня моего воеводства въ здѣшнихъ палестинахъ, я неуклонно шель къ одной благородной цѣли. Я стремился, чтобы „окладные“ доходы поступали правильно, своевременно и (могу похвастать) чтобы отъ обывателя получить до копѣйки все то, что онъ только въ силахъ дать. Да что вы твердите: „схуюмъ“ да „схуюмъ“, и сами всѣхъ служащихъ въ приказѣ разгоняете, жалованье сбавляете, говорите: „приказано де объ окладныхъ сборахъ забыть“. Я не люблю нюни распускать. Что слѣдуетъ—подавай, безъ разговору и промедленія. Вотъ былъ случай: какъ-то Оперъ (изъ евреевъ), складчикъ въ Сѣвѣ, на два дня запоздалъ съ „положеннымъ“, такъ я его, подлеца, со старшиной велѣлъ привезти къ себѣ. Дѣло было вечеромъ, входитъ, а у меня гости въ карты играютъ. „Зачѣмъ изволили посылать, Иванъ Петровичъ“,—спрашиваетъ? А я ему напрямикъ: а почему де деньги „окладныя“ до сихъ поръ не доставлены? „Такъ вы меня изъ такой дали затѣмъ только и тре-

бвали? А зачѣмъ же еще, говорю,—развѣ недостаточный поводъ? Стыдно вамъ, г. Онеръ! Не ожидалъ я отъ васъ подобной невоспитанности... Такъ я его пристыдилъ, гости смѣются, и складчикъ не знаетъ, на какую ногу стать. Съ тѣхъ поръ онъ у меня былъ самымъ исправнымъ д о л ж н и к о м ъ (?!). Впрочемъ, грѣхъ и на другихъ жаловаться. А вы-то какъ поступаете?!

„Э-эхъ... Вы бы побольше слушались меня, старого воробья, и потомъ навѣрное спасибо сказали бы“...

Беседа затянулась далеко за полночь. Была принесена новая „четверть“ (благо, вино отпускается *gratis*), и оживленная бесѣда ни на минуту не прекращалась. Каждая лишняя рюмка сблизжала собесѣдниковъ, которые перестали чиниться и называли себя уже попросту: „ты, Иванъ Петровичъ“, да „ты“.... Колючкинъ наставлялъ новичка, „какъ на свѣтѣ жить добру молодцу“. Каждый совѣтъ, замѣчаніе были основаны на глубокомъ знаніи дѣла, проливая яркій свѣтъ въ область х в а т а н і я, въ которой Колючкинъ не имѣлъ себѣ равныхъ. Новый воевода только похвастался, что онъ самъ не дуракъ въ извѣстныхъ вопросахъ, но въ душѣ прекрасно сознавалъ, что на ряду съ такимъ мастеромъ, какъ Колючкинъ, онъ не больше „какъ мальчишка и ценокъ“.

Говорятъ, уроки въ прокъ пошли. Лабаганцы ходятъ, по нуря голову, жалкіе, обманутые... Спины и запылки чешутся, кредитки въ карманахъ трепещутся... „Что-то ждетъ насъ впереди,—уныло твердятъ обыватели.—Э-э-эхъ, плохо, господа“!..

Другой.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— „Часъ“ передаетъ слухъ о предполагающемся свиданіи императоровъ германскаго, австрійскаго и русскаго, при которыхъ будутъ находиться и министры иностранныхъ дѣлъ. Свиданіе это имѣетъ цѣлю возобновленіе условий, принятыхъ въ Скерневицѣ, срокъ которыхъ истекаетъ въ будущемъ году.

— 7-го (19-го) іюля, сербскій король открылъ скупщину тронною рѣчью, въ которой сказано, что для обезпеченія жизненныхъ интересовъ отечества король, согласно политикѣ дома Обреновичей и голосу народа, принялъ созданное Болгаріею положеніе открытой вражды. „Хотя усилія наши остались безуспѣшными, и Сербія, уступивъ желаніямъ державъ, заключила съ Болгаріею миръ, однако единодушіе націи ясно доказываетъ, на сколько Сербія бдительна въ защитѣ государственной идеи и на сколько она, уважая договоры, всегда готова протестовать противъ нарушенія равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ“. Далѣе въ тронной рѣчи заявляется, что отношенія Сербіи къ Болгаріи остались такими же, какими были до войны, а отношенія къ европейскимъ державамъ—самыя дружественныя; о поддержаніи ихъ король будетъ и впредь особенно заботиться. Чтобы показать, что будто бы сербскій народъ сочувствуетъ австрійской политикѣ г. Гарашанина, выборы въ скупщину были произведены подъ страшнымъ административнымъ гнетомъ. Тѣмъ не менѣе народъ послалъ въ скупщину значительное число оппозиционныхъ депутатовъ, и г. Гарашанинъ сталъ опасаться, что во время засѣданій обнаружатся его недостойные избирательные маневры. Поэтому онъ воспретилъ многимъ оппозиционнымъ депутатамъ доступъ въ скупщину, подъ предлогомъ незаконности ихъ избирательныхъ свидѣтельствъ. Дѣйствительно въ повѣрочную комиссію попали удобные правительству депутаты, воспѣшавшіе кассировать выборы нѣкоторыхъ членовъ оппозиціи. Тяжелое положеніе Сербіи описываетъ бѣлградскій корреспондентъ новосадскаго „Вранік'а“: „Сердце сжимается у насъ отъ боли и страданій за эту прекрасную страну. На поляхъ нашихъ теперь раздаются лишь громкіе выстрѣлы гайдуцкихъ и солдатскихъ ружей. Жители въ страхѣ за свою жизнь: одни боятся и ждутъ смерти отъ гайдуковъ, другіе—отъ властей. Правительство истребляетъ усердно защитниковъ народа, а гайдуки искореняютъ власти. Послѣ выборовъ въ скупщину застонало до ста семействъ чиновничьихъ,

лишенныхъ послѣдняго куска хлѣба за то, что мужская половина ихъ голосовала такъ, какъ имъ казалось разумнымъ, а не такъ, какъ приказывало правительство. Весьма многіе изъ нихъ заключены въ тюрьму за то, что думали, что въ конституціонномъ государствѣ они имѣютъ свободу голосованія“.

— Выборы въ Англии окончены. Министерство Гладстона потерпѣло пораженіе. По свѣдѣніямъ «Daily News», на бывшемъ въ субботу министерскомъ обѣдѣ у Гладстона, рѣшено, что правительству слѣдуетъ теперь же выйти въ отставку, не ожидая открытія парламента. Весьма вѣроятно образованіе торійскаго кабинета, хотя послѣднему нельзя предсказать долговѣчности. Выступленіе торіевъ на сцену не вызоветъ ни особенной радости, ни особеннаго страха. Если торіямъ опять суждено будетъ управлять судьбами Англии, то періодъ ихъ управленія будетъ очень бурный, такъ какъ имъ придется бороться съ оппозиціею виговъ и парлиментовъ, уже не говоря о диссидентахъ, враждебно относящихся къ консерваторамъ и оставившихъ своихъ прежнихъ друзей виговъ только потому, что они не раздѣляли ихъ взглядовъ на ирландскую политику; во всемъ остальномъ диссиденты—такіе же протівники торіевъ, какъ и виги и парлименты. Словомъ, министерству Салисбюри будетъ трудно, если ему не удастся заручиться поддержкою партіи Гартингтона и побудитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ вступить въ кабинетъ.

— Послѣ оставленія четырьмя претендентами французской территоріи вопросъ о принцахъ сошелъ со сцены. Ресубликанское правительство также не озабочено болѣе этимъ вопросомъ, въ особенности послѣ того, какъ оно получило увѣдомленіе, что большинство державъ не одобряетъ манифеста графа Парижскаго. Изъ Парижа телеграфируютъ въ нѣмецкія газеты, что нѣкоторые дворы конфиденціально дали знать графу Парижскому, что въ виду его манифеста, въ которомъ онъ прямо выступаетъ претендентомъ на престолъ, посѣщеніе имъ ихъ государствъ будетъ для нихъ не особенно пріятно. Герцоги Омальскій и Шартрскій подали въ государственную совѣтъ апелляціонную жалобу на исключеніе ихъ изъ списковъ арміи. Одновременно съ симъ, герцогъ Омальскій написалъ 11-го іюля весьма рѣзкое письмо къ Гревю, въ коемъ говоритъ: „Исключая меня изъ списковъ арміи, вы касаетесь основнаго закона объ арміи. Предоставляю моимъ повѣреннымъ защищать мое дѣло, которое есть также дѣло всѣхъ офицеровъ. Въ качествѣ декана генеральнаго штаба напоминаю вамъ, что военные чины превышаютъ вашу компетенцію“.

— Въ газету „Independence Belge“ пишутъ: „Повидимому, въ новой нѣмецкой колоніи Камерунѣ, на западномъ берегу Африки, далеко не все обстоитъ благополучно. По извѣстіямъ отсюда отъ 11-го мая, туземцы бойкотируютъ тамъ бѣлыхъ, отказываются отъ всякихъ сношеній съ ними и не доставляютъ имъ провизіи. Бѣлые не могутъ достать ни птицы, ни скота для убоя, и, кромѣ того, имъ отрѣзаны сообщенія со всѣми источниками, такъ что для полученія воды вся ихъ надежда только на дождь. Многія фабрики, расположенныя по рѣкѣ, закрыты, и промышленники распускаютъ рабочихъ. Вообще туземцы рѣшились дѣйствовать такъ, чтобы германское правительство не получило никакихъ выгодъ отъ порта. Долги свои бѣлымъ купцамъ они платятъ исправно, но ни въ какія новыя сдѣлки не входятъ. Населеніе по обѣ стороны рѣки сговорилось дѣйствовать сообща противъ германскаго правительства, оно не прибѣгаетъ ни къ какимъ угрозамъ, не устраиваетъ никакихъ манифестаций, но въ то же время бросаетъ всѣ работы. Дома и плантаціи туземцевъ были всѣ разрушены при бомбардированіи города нѣмцами, и имъ нечего теперь терять. Англійскіе коммерсанты совѣщались съ нѣмцами вице-консуломъ и губернаторомъ. Если не состоится соглашеніе и дѣло какъ нибудъ не уладится, то всѣ торговыя заведенія придется закрыть, такъ какъ хозяева ихъ несутъ большіе убытки“.

— Г. Венюковъ въ „Новостяхъ“ обращаетъ вниманіе на то, что многіе русскіе ученые въ послѣднее время живутъ и работаютъ для науки въ Парижѣ и пользуются заслуженнымъ почетомъ; въ самое послѣднее время, ученый парижскій міръ заинтересовался докторскою диссертаціею по антропологіи г. Деникера, многосторонняго натуралиста, который уже составилъ себѣ лестную извѣстность трудами по ботаникѣ, зоологіи, эмбриологіи и пр. Подъ антропологіею, въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ разумѣть отдѣлъ зоологіи, занимающийся не однимъ родомъ „homo“, но и всѣми, вообще, антропидами—гориллами, шимпанзе, орангутанами, гиббонами и ихъ ископаемыми родичами, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ изобразилъ Гартманъ

въ своей общезвѣстной книгѣ. Г. Деникеръ внесъ въ естественную исторію этой группы животныхъ любопытныя данныя, добытыя имъ при изученіи зародышей гориллы, привезенныхъ изъ южной Африки. Изысканія его привели къ тому выводу, что до шестилѣтняго возраста (считая съ момента зарожденія) зародыши гориллы ничѣмъ почти не отличаются отъ человѣческихъ, что даже новорожденный младенецъ-горилла очень похожъ на младенца-человѣка, и только съ прорѣзыванія зубовъ начинается, безспорно, походитъ на обезьяну, особенно по развитію челюстей.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна изволили возвратиться изъ поѣздки по остзейскимъ губерніямъ въ Царское Село 4-го іюля. 5-го іюля, въ церкви Большаго петергофскаго дворца состоялось принесеніе присяги Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ.

— Обнародованы Высочайшій указъ и положеніе объ Императорской Фамиліи, опредѣляющее предѣлы степеней родства въ домѣ Императорскомъ, о родословной книгѣ Императорскаго дома, о вѣдѣнныхъ преимуществахъ его членовъ, о содержаніи ихъ, о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ, и устанавливающее правила о порядкѣ пользованія и наслѣдованія заповѣдными имуществами, предоставляемыми правнукамъ Императора.

— 8-го іюля, Уфа, съ Высочайшаго соизволенія празднуетъ свое трехсотлѣтіе. Торжество празднованія юбилея будетъ продолжаться три дня. 10-го іюля, въ 12 часовъ, по совершеніи молебствія въ зданіи статистическаго комитета, предполагено открытіе губернскаго музея. Въ этотъ же день предполагается закладка желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣку Вѣлюю.

— 3-го іюля, въ Петербургѣ произошелъ слѣдующій печальный случай. Во 2 часу по полудни, во дворѣ дома подъ № 44, по 7-й улицѣ Песковъ, гдѣ помѣщается складъ стараго желѣза крестьянина И. Петрова, было привезено 4 воза такового желѣза, пріобрѣтеннаго Петровымъ на Выборгской сторонѣ, у торговца такимъ же товаромъ, крестьянина В. Егорова. При разгрузкѣ одного изъ упомянутыхъ возовъ, которые опрокидывались на булыжную мостовую, произошелъ взрывъ оказавшейся между желѣзомъ начиненной бомбы, осколками которой убило: четверыхъ дѣтей, двухъ женщинъ и девять мужчинъ, а также двѣ лошади. Взрывъ былъ на столько силенъ, что части тѣлъ убитыхъ и осколки бомбы были найдены во дворахъ сосѣднихъ домовъ, въ которыхъ выбило стекла, а въ одномъ противоположномъ 4-хъ-этажномъ домѣ, № 35, осколками стеколъ ранило дѣвочку.

— При варшавскомъ отдѣленіи Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ образована недавно подъ предѣлительствомъ г. Кроненберга специальная коммиссія по вопросамъ торговли съ востокомъ. Установлены четыре главные пункта, долженствующіе служить исходною точкою всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій: 1) учрежденіе торговыхъ агентствъ; 2) устройство въ Варшавѣ статистическаго бюро; 3) устройство въ Москвѣ „Варшавскаго базара“ въ непосредственной связи съ постоянною выставкою мѣстныхъ продуктовъ и фабрикатовъ; 4) изданіе промышленной географіи восточныхъ рынковъ.

— Въ Нижній Новгородъ, для предстоящей ярмарки, уже стали подходить грузы по Волгѣ. Пришли суда съ уфимскимъ мочаломъ, персидскими товарами, сухими фруктами и проч. („Нов. Вр.“).

— „Саратовскій Дневникъ“ сообщаетъ, что дѣны на рабочія руки на берегу рѣки Волги стоятъ очень низкія, не смотря на то, что работы на Волгѣ очень много. Рассказываютъ, что въ нынѣшнемъ году появилось очень много подрядчиковъ, которые и пользуются съ большою выгодой, для себя трудомъ рабочихъ, которыхъ набралось на берегъ большое количество; такъ, напримѣръ, за выгрузку дровъ изъ бѣляны и баржъ на тачкахъ поденщикъ въ прежніе года получалъ 1 р.—1 р. 20 к., въ настоящее же время получаетъ не болѣе 50—60 к.

— Изъ Уфы „Саратовскому Листку“ пишутъ: „Камеры мировыхъ судей и мирового съѣзда почти еженедѣльно переполнены массою рабочаго люда съ жалобами на дѣйствія подрядчиковъ по по-

стройкѣ желѣзной дороги, „разсчитывающихъ“ рабочій людъ до такой степени, что рабочему ничего не остается „на харчи“... Каждое воскресное утро рабочая бѣднота толпами человекъ въ 50—100 собирается на улицахъ города и именемъ Христа проситъ у прохожихъ... Рабочіе всѣ изъ далека, изъ внутреннихъ губерній, народъ истощенный, оборванный, по колѣна въ грязи; 15-го іюня толпа человекъ въ 100 предъ домомъ Кривоконова на Лазаретной улицѣ, съ раннаго утра до полудня, галдѣла, требуя отъ подрядчика „пачпорта!“... Вообще, о желѣзнодорожныхъ подрядчикахъ носятъ слухи, для нихъ невыгодные, въ смыслѣ эксплуатаціи ими народнаго труда“.

— Въ Харьковѣ, подъ предѣлительствомъ высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, была учреждена, какъ передаетъ „Заря“, коммиссія для обсужденія мѣръ о прекращеніи вымогательства духовенствомъ при требоисполненіяхъ. Коммиссія учреждена была въ силу указа святѣйшаго правительствующаго синода; этотъ указъ состоялся на основаніи Высочайшаго повелѣнія обратить вниманіе на чрезмѣрные поборы священниковъ въ Харьковской епархіи за духовныя требы, вслѣдствіе чего крестьяне одной мѣстности, какъ о томъ доведено до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, отказываются отъ заключенія браковъ.

— Въ настоящее время вышелъ отчетъ Петербургскаго университета. Всѣхъ профессоровъ, какъ видно изъ отчета, числится въ университетѣ 62, приватъ-доцентовъ 41, лекторовъ повѣйшихъ и восточныхъ языковъ 8, лаборантовъ 12. Число слушателей равняется 2,426 человекамъ, изъ которыхъ распределяются по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на юридическомъ 981, физико-математическомъ 968, историко-филологическомъ 252 и восточномъ 79; постороннихъ слушателей 146. На филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ въ отчетномъ году число слушателей уменьшилось сравнительно съ прошлымъ годомъ. Изъ окончившихъ курсъ удостоены степени доктора 3 человекъ, ученой степени магистра 16; со степенью кандидата окончило 212 человекъ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента 83. На помощь учащимся было предоставлено казною и частными учрежденіями до 77,000 рублей. Университетъ обладаетъ обширною бібліотекою, въ которой имѣется 152,334 тома на сумму 400,000 рублей. При университетѣ существуютъ ученые общества: филологическое, юридическое, русско-физико-химическое и общество естествоиспытателей. Недавно образовался студенческой физико-математической кружокъ, который издаетъ „Записки студентовъ физико-математическаго факультета“.

— Талантливый артистъ Андреевъ-Бурлакъ умеръ надняхъ, въ Ялтѣ, отъ нервнаго удара. До поѣздки въ Ялту, покойный, по словамъ газеты „Кавказъ“, находился на излѣченіи въ казанскомъ окружномъ домѣ для умалшенныхъ.

— Цензура „Казачьяго Вѣстника“, издающагося въ Новочеркасскѣ, перенесена недавно въ Москву.

— Редакція „Сѣвернаго Кавказа“ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ своихъ подписчиковъ о прекращеніи этого изданія, 1^{1/2} года тщетно боровагося съ равнодушіемъ публики. Не счастливится провинціальной прессѣ!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Управленіе Екатеринбургско-тюменской желѣзной дороги объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что съ 15-го іюня впредь по 1-ое сентября 1886 года, на основаніи разрѣшенія Временнаго Управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ отъ 25-го февраля с. г. за № 2,886, нижепоименованные товары, при отправленіи ихъ по Екатеринбургско-тюменской желѣзной дорогѣ между станціями: Екатеринбургъ—Камышловъ и Екатеринбургъ—Островская, будутъ таксироваться:

Гр. 5. Конфекты и кондитерскій товаръ }
Гр. 57. Мануфактурный товаръ и ткацкія издѣлія, отнесенныя по } по ¹/₁₈ коп. съ
классификаціи къ I классу. } пуд. и версты.

Гр. 65. Масло коровье по ¹/₃₀ съ пуда и версты.